

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СОКОЛОВА

Ольга Владимировна

БЫТИЕ ПОЛА В СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОСТИ

09.00.11 – социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор О.Н. Бушмакина

Ижевск-2009 г.

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Онтология предела в дискурсе пола.....	9
§1 Пределы половой идентификации.....	9
§2 Идентификация пола в структурах гендера.....	31
Глава II. Конструирование пола в структурах самоопределяющегося смысла.....	56
§1 Социальная субъективность в структурах грамматического пола.....	56
§2 Производство субъективности в структурах сексуальности.....	77
§3 Самоопределение субъекта в поле пола.....	101
Заключение.....	126
Список использованных источников литературы.....	132

Введение

Актуальность исследования. Проблема современного индивида заключается в его самоидентификации в поле социальной реальности. Социальная реальность рассматривается как «субстанция, протекающая сквозь пальцы и ускользающая от понимания» (Ж. Жаннет), «ускользающий мир» (Э. Гидденс). Она плохо различима, неустойчива и не определена, однако индивиду необходимо определить свое место в ней. Идентичность становится содержанием не только культурных, политических и других научных дискурсов, но и повседневного человеческого поведения.

Поиск устойчивого основания идентичности приводит к тому, что проблема пола и половой идентификации в современном глобализованном мире становится все более актуальной. Традиционная социальная онтология, предъявляемая в парадигме фаллоцентризма, обнаруживает социальное бытие на пределе его существования в дискурсах, маркированных половой определенностью. Социобиологическое или эссенциалистское стремление закрепить и объективировать половые различия оборачивается допущением «естественной установки» в анализе социального бытия.

Поскольку структуры социальной реальности изначально фундируются пра-делением, заданным на основе половой определенности, постольку изменения в поле половой идентификации необходимо приводят не только к изменениям бытия пола, но и к трансформации представлений о бытии социального, заданного в структурах половой определенности, которые требуют социально-философского исследования.

Степень изученности проблемы. Можно выделить ряд блоков работ, в которых затрагиваются проблемы, представленные в данном исследовании.

Во-первых, это современные социологические исследования, актуализирующие проблематику «социального пола» или гендера. Это направление представлено работами как зарубежных, так и отечественных

авторов – З. Баумана, У. Бека, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, Н. Лумана, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Е. А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. Гендерные полоролевые различия, рассматриваемые в контексте драматургического интеракционизма, представлены работами И. Гофмана. В лингвистическом аспекте работали Б. Барон, Д. Камерон, Дж. Коатс, Р. Лакофф, Д. Таннен, А. В. Кирилина, В. Суковатая, И.Н. Тартаковская. Пол как объект психологии изучался в работах З. Фрейда, Ж. Лакана, К. Хорни, Д. Гэллоп, Д. Митчелл, Н. Чодоров, И. С. Кона, Л. Д. Ерохиной. Из отечественных исследователей, работающих в области современной философской антропологии гендерного субъекта, следует отметить С. Жеребкина, И. Жеребкину. Тексты феноменологического содержания принадлежат таким авторам как А. И. Белкин, О. Вайнингер, В. А. Геодакян, В. И. Искрин, Ж. Липовецкий, С. А. Ушакин. К полу как к религиозно-космическому аспекту бытия обращается русская философия Н. Бердяева, В. Розанова, В. Мережковского, П. Флоренского, В. С. Соловьева. По философии пола можно отметить также работы отечественного исследователя Н. В. Хамитова.

Во-вторых, это тексты ведущих западных гендерных и феминистских теоретиков, в первую очередь, философские труды Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида и М. Фуко. Основная работа по философии феминизма, задающей конструкт женской субъективности, принадлежит С. Де Бовуар. Проблематизация женской субъективности представлена работами Н. Менделл, П. Эллиот. Теоретические тенденции, основанные на теориях желания Ж. Лакана и Ж. Делеза, нашли свое воплощение в теориях номадического субъекта и *queer*-идентичности, представленных такими авторами, как Дж. Батлер, Р. Брайдотти, Э. Гросс, И. Кософски, Т. де Лауретис. Принцип перформативности пола сформулирован в работах Дж. Батлер.

Третий блок включает в себя исследования по дискурсивности пола, в которых половая идентичность конструируется посредством различных дискурсов. Следует особо отметить работы М. Фуко, в которых исследуется

социальная обусловленность дискурсивных практик, а также работы Р. Брайдотти, Л. Иригаре, Э. Сиксу и др.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является бытие пола, представленное в поле социальности. Предметом исследования оказывается дискурсивное существование пола в структурах социальной реальности.

Цель и задачи исследования

Цель диссертации заключается в представлении онтологии социальной субъективности в аспекте ее самоопределения через бытие пола, которое конституируется в структурах дискурсивности. В соответствии с поставленной целью, определяется ряд задач:

- установить пределы половой идентификации;
- предъявить идентификацию пола в структурах гендера;
- задать социальную субъективность в структурах грамматического пола;
- представить производство субъективности в структурах сексуальности;
- конституировать субъекта в самоопределяющемся поле пола.

Теоретико-методологической основой исследования является целостный онтологический подход, представленный в герменевтическом аспекте, реализующемся через метод субъект-объектного тождества.

Исследование бытия пола задает необходимость обращения к онтологическим проблемам, связанным с представлением смысла в структурах дискурсивности, которые выражены в текстах современной герменевтики. Они представлены трудами М. Хайдеггера и его последователей. В классических работах Ф. Шеллинга предъявляется целостный подход в методе субъект-объектного тождества. Соединение шеллингианского подхода с герменевтическим анализом прослеживается в текстах современных отечественных исследователей О.Н. Бушмакиной, С.В. Кардинской, М.О. Касимова, Д.А. Колбина, М.А. Полищук, М.А. Рябова, Т.И. Сайтаевой, А.А. Шадрина и др.

В анализе границ субъективности важным становится использование метода радикального конструктивизма в концепции Ж. Бодрийяра, где предъявляется существование сексуальности в структурах соблазна, что позволяет обнаружить дискурсивный характер сексуальности и пределы ее существования в порно-объекте. Работы М. Фуко приобретают большое значение в контексте исследования. В них анализируются дискурсивные порядки сексуальности через отношения нормативной и избыточной (а-нормативной) сексуальности в поле социального. Это понимание способствует обнаружению способов структурирования социальной субъективности в поле пола.

Благодаря исследованиям Ж. Бодрийяра, С. Жижека, Ф.Фукуямы, обнаруживаются пределы половой идентификации в постсовременном обществе. Анализ их работ открывает кризисное состояние проблемы пола и указывает на исчерпание смысла традиционного структурирования социального через принцип производства.

Определяющую роль в контексте работы имеют женские исследования Д. Батлер, Р. Брайдотти, Л. Иригарей, И. Кософски, которые проблематизировали понятие субъективности в пределах логоцентризма. Акцентуация сексуального различия предъявляется в легитимации женской субъективности. Понятие номадического субъекта сделало возможным самопредставление социальной идентичности индивида за пределами нормативной конституированной социальности, что позволило выйти за границы фаллоцентрического модуса мышления.

Научная новизна основных результатов исследования заключается в следующем:

- установлены пределы половой идентификации в дискурсах эссенциализации, отождествляющих пол и секс, где социальность объективируется в структурах экономического дискурса, а пол становится «нулевым» в структурах технологизированного клонического производства,

исключающем сексуальность как субъективность;

- предъявлена унифицированная «нулевая» степень идентичности о-безличного индивида, «лишенного» пола, существующего в структурах метросексуальности и унисекса гендеризированной реальности стереотипического дискурса, имеющего «нулевую» субъективность;

- задана социальная субъективность в структурах грамматического пола, определяющего идентичность индивида на пределе смысла в структурах гендерлекта, нивелирующего половую различенность в «социальном гермафродитизме», где нерелексирующая мужская субъективность структурируется не-хваткой, порождающей необходимость саморелексии как самопредъявления женской субъективности;

- представлено производство субъективности в структурах сексуальности, манифестированное в дискурсах пола, где табуированная сексуальность как точка предела объективации открывает возможность субъективности как соблазна самоопределяющегося через границу взаимоопределения мужского и женского в дискурсивном пространстве социальности;

- конституирован субъект в самоопределяющемся поле пола, представленном в структурах самопредставляющейся сексуальности через границу нормативности как перформативной qweer-идентичности саморелексирующего номадического субъекта, существующего в пространстве идентификации как коммуникации, направленной «к» и расположенной «между» точками самоидентифицирующихся коммуникантов.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в представлении пола в структурах социальной дискурсивности, имеющей смысл. Проведенное в работе исследование пределов смысла половой идентификации может служить теоретическим основанием для междисциплинарного анализа состояния современной социальной реальности в аспекте бытия пола в структурах множественной дискурсивности. Социальная субъективность в границах

коммуникативности самоопределяется в структурах самоидентификации дискурса саморефлексирующего номадического субъекта. Использование результатов исследования может быть полезным при разработке ряда тем по современной социальной философии и при подготовке спецкурсов по проблемам онтологии пола.

Апробация работы. Основные положения диссертации опубликованы в журнале «Вестник Башкирского университета» (т. 13. 3. 2008. С. 655 - 658), рекомендованном ВАК, неоднократно обсуждались на аспирантских семинарах кафедры философии УдГУ, излагались в тезисах заочного участия и в выступлениях на Международной конференции «Женщина. Общество. Образование» (Минск, 2005, 2006), на Международной научной конференции «Онтология в XXI веке» (Санкт-Петербург, 2006), на Всероссийской научной конференции «Первые Петраковские чтения» (Ижевск, 2006), на Всероссийской научной конференции «Вторые Петраковские чтения» (Ижевск, 2007), на Международной научной конференции «75 Лет высшему образованию в Удмуртии» (Ижевск, 2007), на II Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: социальные миры изменяющейся России» (Ижевск, 2008), на 13 Всероссийской научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии» (Ижевск, 2008), на Всероссийской научно-практической конференции «Профессия «Журналист»: вызовы XXI века» (Ижевск, 26 ноября 2008 г.) и были опубликованы в ряде сборников статей конференций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Глава I. Онтология предела в дискурсе пола

§1. Пределы половой идентификации

Неявное отождествление социального с природным задается первичным представлением об индивидах как о животных особях, которые разделяются на самцов и самок. В дифференциации пола конституируется структурность социальной реальности в акте первичного разделения. Половая различенность или гетеросексуальность, как базовая бинарность социального структурирования, задается в статусе фундаментальной несомненности, самоочевидности и неизменной данности, легитимируясь как социальная норма.

Общепринятая нормативная гетеросексуальность отсылает к биологической парадигме «мужской пол – женский пол», где пол эссенциализируется и объективируется в статусе природной данности. Он подчиняется естественному природному биологическому порядку, который находится за пределами социальных институций. Пол в медицине, психиатрии и психологии рассматривается как свойство индивидуумов. Он задается «человеческими гормонами или человеческими душами»¹.

Секс маркирует пол как биологическую категорию, которая задает отсылку к продолжению человеческого рода. Он предъявляет себя через производство различных форм сексуальных актов. Выполняя биологическую функцию продолжения рода, секс становится удачным, если в результате сексуального акта появляется ребенок. Сексу присуща «экономическая» природа. Потомство, выгода, удовольствие, расход энергии, необходимой для акта, потеря семени трактуются как статьи расходов и доходов, где сперма не должна растрачиваться впустую. Ценность и легитимность сексуального производства определяется его «экономической» эффективностью. Качество

¹ Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 476

полового акта, прежде всего, определяется качеством соития, а не интенсивностью получаемого удовольствия.

Секс легитимируется в матримониальной функции, регистрирующей отношения сексуального производства. В браке контролируется и поддерживается социальный, политический и экономический порядок. Матримониальная связь выступает как универсальный закон, естественный, разумный и единый для всех. Брак является обязательством по отношению к природе. Он становится гражданской обязанностью индивида, благодаря которой частное существование приобретает всеобщее значение. Супружество является условием законности сексуальной деятельности. В любой другой ситуации половые отношения будут относиться к категории «разврата». Только в браке сексуальное соитие находит свою естественную форму и рациональную цель. Матримониальная структура исполняет роль регулятивного принципа, определяющего статус и формы практики удовольствий. В браке контролируется степень сексуального наслаждения, пресыщенность которым ведет к распаду моногамной связи, разрушает институциональный статус семьи. Условием сохранения интенсивности сексуального производства оказывается ограничение и нехватка удовольствия. «...Секс подавляется столь сурово, то это потому, что он несовместим со всеобщим и интенсивным привлечением к труду, можно ли было терпеть в эпоху, когда систематически эксплуатируется рабочая сила, чтобы она отправлялась увеселять себя удовольствиями, за исключением разве что тех, сведенных к минимуму, которые позволяют ей воспроизводиться?»²

Секс должен подчиняться определенным законам, исполняя которые он будет иметь позитивное значение. Механизм полового акта базируется исключительно на мужской физиологии. Мужское превосходство связано с тем, что мужская особь является семенным животным, а сперма – субстанция,

² Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 101

спасающая человечество от смерти. Сексуальный акт должен надлежаще развиваться и завершаться.

Значительной была тенденция к закреплению сексуальной сдержанности. Сексуальная активность регламентируется и отличается от «естественных» и законных форм подобного рода практики. Индивид должен контролировать свои эмоциональные и душевные порывы, которые провоцируют телесную страсть. Желания должны быть согласованы с нуждами тела, но они не должны быть «пустыми». Существовала целая система подготовки к производству на свет потомства: режим зачатия, соответствующий возраст, благоприятное время, индивидуальные темпераменты и соматический режим. Запрет на удовольствия был также связан с угрозой развитию плода.

Медициной контролируется и ограничивается истощающий режим расхода спермы. С позиции нормы медицинский дискурс задается как дискурс «здорового образа жизни», где продуцируется и внедряется знание об идеальном здоровом человеке, задается нормативное существование индивида в социуме. Заданная нормативность конституируется трансцендентной субъективностью, являющаяся внешней по отношению к индивиду. Принимая ее, индивид контролирует сам себя, стремясь к идентичности, заданной в идеализированном образе «нормального» человека. Всякий раз, сравнивая себя с заданным стандартом, индивид обнаруживает свое несоответствие с ним.

Женское тело как объект и предмет обмена или продажи становится ценностью по аналогии с законом ценности в политической экономии. Сначала тело женщины как объекта вождления превращается в идеальное тело манекенщицы. Оно становится безупречным, гладким, без изъянов, соответствуя «мужским» стандартам. Но как только тело женщины полностью предъявлено мужскому взгляду, то есть полностью объективировано, происходит реверсия знаков. Женское, лишаясь своей субъективности, превращается в манекен. Идеальное тело становится бесполом технологическим продуктом экономического производства.

Женское тело, как порно-объект, становится полностью объективированным. В порнографии оно настолько близко, что наступает избыток реальности, гиперреальность тела как вещи. «Непристойность выжигает и истребляет свои объекты. Это взгляд со слишком близкой дистанции, вы видите, чего прежде никогда не видели, - ваш пол, как он функционирует: этого вы еще не видели так близко, да и вообще не видели - к счастью для вас. Все это слишком правдиво, слишком близко, чтобы быть правдой. Это-то и завораживает: избыток реальности, гиперреальность вещи. Так что если и сказывается в порнографии игра фантазии, то единственный фантазм здесь относится не к полу, но к реальности»³.

Порнография аннулирует пол. До нее пол был скраден, теперь он избыточен. Он не предьявлялся до конца, благодаря тому, что мыслился как пол. Будучи полностью объективированным, он исчезает, как бы сводится к «нулю». Происходит абсолютное подавление пола гиперреальностью. Ни «мужского», ни «женского» не остается. Порно-объект поглощает и «женское», и «мужское». Различимость и дифференциация исчезают. Пол становится нулевым.

Порнография как жанр выстраивается, показывая все, ничего не скрывая от взгляда. Зритель может получить удовольствие только в том случае, если он отождествляется Другим, который находится на экране. Принимая точку зрения героя на экране, индивид начинает испытывать субъективные переживания вместе с героем. Однако в порнографии происходит объективация зрителя. Зритель оказывается в роли объекта, так как на него смотрят героини с экрана, пытающиеся его возбудить. Скрытая точка, не-хватка, пробел, гарантирующие субъективность взгляда, отсутствуют в силу полной представленности тел и половых актов на экране. «В порнографии зритель априорно вынужден занимать извращенную позицию. Вместо того, чтобы быть на стороне рассматриваемого объекта, взгляд перемещается в нас, зрителей, и

³ Бодрийяр Ж. Соблазн. М. Ad Marginem, 2000. С.68

поэтому в изображении на экране нет той возвышенно-загадочной точки, из которой оно смотрит на нас»⁴.

Структура сексуального соития предполагает не только содержащийся в ней механизм биологического воспроизводства, но и получение удовольствия. В точке возникновения наслаждения порождается избыточность по отношению к сексуальному акту зачатия. Эта избыточность является сексуальностью. Изначально все, что относится к излишкам сексуальности, пытаются замолчать, скрыть. Она считается аномальной, а значит, должна контролироваться и наказываться. Ее существование абсолютно недопустимо в сфере репродуктивности как экономического производства.

Сексуальность представляет собой то, что отделило сексуальный опыт и, в частности, удовольствие, связанное с этим опытом, от размножения, главной функции секса. Она возникает на основе неиспользованных излишков, на переизбытке сексуальной энергии и желания, которые значительно превосходят ресурсы, необходимые для процесса воспроизводства. Этот избыток обращен к субъективному началу человека. Сексуальность содержит в себе «культурное начало». Она начинает артикулировать себя в точке предъявления эротического наслаждения через тексты, пособия, опросы, то есть в процессе продуцирования дискурсивных практик.

Сексуальная избыточность порождает множественную сексуальность, которая за пределами нормы, обусловленной сексом, всегда является патологичной. Избыточность означающих в сексуальном дискурсе продуцирует поиск «второго дна» и, соответственно, новой идентичности. В границах интерпретаций патологии новая возникающая идентичность начинает пролиферировать, порождая множественную идентичность. В ситуации возникновения рассеянной сексуальности возникает проблема самоидентификации индивида.

⁴ Жижек С. Садист как объект// URL <http://www.lacan.com/htm>

Наличие избыточности, заключенной в самой структуре сексуального, порождает возникновение множества новых дискурсивных практик, которые, с одной стороны, продолжают проговаривать традиционный дискурс, с другой, продуцируют абсолютно противоположные. Возникает биполярное дискурсивное поле сексуального, продуцирующее как нормативную, так и множественные варианты а-нормативной идентичности.

Биполярные дискурсивные отношения классифицируются, упорядочиваются, распределяются, исключая любую событийность и случайность. Сексуальность и желание проговариваются на языке политического, экономического, социального, психологического, медицинского, психиатрического, педагогического в форме анализа, учета, классификации и спецификации, в форме количественных или причинных исследований. На границе биологического и экономического рождается дискурсивный анализ сексуального поведения, его детерминации и последствий. Сексуальное поведение должно быть согласовано с политическим и экономическим поведением. Возникает социальный контекст биологического производства.

Наряду с нормативной сексуальностью, заданной в формах разрешенных дискурсов, возникала избыточная а-нормативная сексуальность, обретающая собственный табуированный язык, на котором в форме сладострастных фантазий проговаривалось наслаждение. Запрещенные дискурсы о сексе, предъявляемые в «молчании», озвучивали не меньше, чем официально разрешенные. Власть должна контролировать не только производство знания о сексе, она должна также контролировать и производство желания, а также его нехватку. Нехватка создается с помощью установления различных границ, производства отсутствий и пробелов. Власть говорит «нет» всему, что имеет отношение к сексу, тем самым реализуя механизм отбрасывания, исключения, отказа, блокировки, сокрытия и маскировки. Посредством этих действий создаются бинарные оппозиции: законное – незаконное, разрешенное – запрещенное. С их помощью осуществляется процесс управления и контроля,

процесс поименования.

Появляется дискурс периферических сексуальностей. Перверсивный дискурс не существует как нечто отдельное и самостоятельное, он всегда сопряжен с социальным.

Секс и власть образуют такие отношения, которые конституируют бинарную оппозицию «разрешенный секс - запрещенная избыточная сексуальность» и позволяют функционировать власти через эту диспозицию. Разрешение порождает запрет, одно не может существовать без другого. Все продуцируемые дискурсы, циркулирующие в этом поле, ведут к дискурсу власти. Таким образом, сексуальность и власть не находятся по отношению друг к другу во внешнем положении, они имманентны друг другу. Фуко определяет желание и промышливает сексуальность только в отношении к власти, сопряженной с высказыванием закона. Сексуальность является неким коррелятом между знанием и властью и инструментальной основой для властных стратегий. Она предъясняется и самоопределяется через различные сексуальные дискурсы. Ее природа объектна (например, истеризация тела женщины, педагогизация секса ребенка или психиатризация извращенного удовольствия), поэтому она бесконечно производится и воспроизводится в соответствии с существующими техниками власти, где «секс смог функционировать как единственное означающее и универсальное означаемое»⁵.

Принуждая производить дискурс о сексе, власть пытается сформулировать о нем регулярную истину. Она интерпретирует существующий дискурс и продолжает вопрошать дальше. Ее целью является производство нормативной истины, закона и их исполнение, где она начинает общаться сама с собой, задавая вопросы и отвечая, порождая множество «истинных» дискурсов о сексе. Благодаря запретам, формируется автономная сексуальная дискурсивность, не связанная с принципом производства. Социальное табу

⁵Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 261

является условием производства сексуальной дискурсивности. Оно настойчиво побуждает говорить о сексе все больше и больше, артикулируя и бесконечно накапливая детали.

Ж. Бодрийяр оспаривает позицию Фуко по поводу сексуального подавления, утверждая, что оно никогда не существовало, так как сексуальность существует лишь в дискурсе. То, как она проговаривается, является по своей природе симуляком. Сексуальность, являясь по своей природе дискурсивностью, лишь задает и устанавливает отношения между социальными силами. Власть для Фуко определяет свою сущность через запрет сексуального. «Эта власть обладает якобы одной-единственной силой: силой говорить "нет"»⁶. Однако власть на самом деле не говорит ничего по отношению к индивиду, она молчит. Власть имеет знаковую структуру, функционирование которой абсолютно не связано с материальными категориями, например, такими как секс. Она вообще может существовать только при условии не-связанности с реальным. Власть сама производит и продуцирует различные дискурсы подавления, доказывая тем самым свою необходимость существования. Она замыкается на самой себе и своем внутреннем производстве. Порочный круг поиска Фуко истины, знания и смысла замыкается. Смысл полностью утрачивается в объективированном гиперреальном пространстве циркуляции власти. Попытка промыслить сексуальное через властные режимы и практики приводит к сущности самой власти, а сексуальность достигает своего предела объективации и лишается какого бы то ни было смысла. Сексуальное, имея знаковую структуру, будет наполняться различным политическим содержанием (феминистские практики) или экономическим (производство в обществе потребления).

В точке предельной объективации сексуальное прекращает выполнять функцию означаемого и полностью трансформируется в знак, начинающий

⁶ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 184

продуцировать и актуализировать желание. Возникает сексуальный императив, требующий немедленной реализации желания. «Это принуждение к ликвидности, к перетеканию, к ускоренному обращению психического, сексуального и телесного — точная копия того, что определяет рыночную стоимость; необходимо, чтобы капитал пребывал в обращении, чтобы сила тяжести и вообще любая фиксированная точка исчезли, чтобы цепочка инвестиций и реинвестиций не прерывалась, чтобы стоимость без конца изучалась во всех направлениях; именно в этой форме сегодня воплощается стоимость. Это форма капитала, а сексуальность, лозунг сексуального и сексуальная модель — только образ, в котором она реализуется на телесном уровне»⁷.

В знаковой реальности избыточность начинает функционировать сама по себе. Происходит инверсия – сексуальность начинает выполнять функцию соблазна. Она начинает продуцировать себя заново в качестве желания. Власть начинает сближаться и отождествляться с желанием. Отсюда появление «субпродуктов — «наслаждение властью», «желание капитала» и т.д., — которые являются точными копиями субпродуктов предшествующего поколения: «желание революции», «наслаждение безвластием» и т.д.»⁸. Все более разрастаясь, сексуальный дискурс начинает функционировать как дискурс производства и потребления, становясь одним из определяющих в расстановке других социальных дискурсов. Экономическая социализация, благодаря выведенной в дискурс сексуальности, становится более приближенной к телу, сексуальной и либидинальной.

Ж. Бодрийяр отмечает, что Фуко попадает в «ловушку власти»⁹. Сексуальное освобождение спровоцировало утрату сексом своей реальности. Сексуального, тождественного сексу, а тем более «подавленного секса» Фуко на самом деле не существует. Сексуальность возникла только в момент ее

⁷ Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000. С. 52

⁸ Там же, с. 46

⁹ Там же, с. 68

«проговаривания», в точке выведения ее в дискурс. Она является лишь симуляционной моделью, организующей определенные властные отношения. Посредством секса происходит расстановка социальных дискурсов, энергий и институтов. Сексуальный дискурс помогает власти перенаправить различные энергии в сферу материального производства. Более того, именно за счет возникновения подобных дискурсов власть поддерживает иллюзию своей реальности. Власть продуцирует себя только в пространстве гиперреальности и за счет этого существует. «Но он (Фуко) не видит того, что власти тут никогда нет, что ее институция, подобно утверждению пространственной перспективы («реального» пространства) Ренессанса, это только симуляция перспективы...»¹⁰ Для обеспечения «жизнеспособности» власти, для поддержания ее «объективности», необходимо бесконечно репрезентовать, и в форме насилия в том числе, секс и сексуальные практики.

Сексуальность становится символом рыночной системы эпохи потребления. Секс, связанный с производством сексуального наслаждения, подавляет своей предьявленностью и избыточностью. Он ищет пути скорейшего удовлетворения, чтобы снова продолжить свое существование. «Мы — культура поспешной эякуляции. Все больше и больше любой соблазн, любой способ соблазнения, который является сам высоко ритуализованным процессом, уступает место натурализованному сексуальному императиву, требованию немедленной реализации желания»¹¹. Главной задачей сексуальной обратимости является поддержание современных производственных систем.

Как отмечает Ж. Бодрийяр, наступил конец производства эпохи модерни. Производства больше нет, так как все, что можно было произвести, уже произведено. Исчезла линейность и целенаправленность производства. Оно исчерпало само себя. Его замещает воспроизводство, лишенное содержания. Процесс воспроизводства теряет какую-либо соотнесенность с реальностью,

¹⁰ Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000. С. 68

¹¹ Там же, с. 52

оно превращается в производство пустых знаков. Происходит общая утрата референций, наступает полная недетерминированность, несоотнесенность означаемых и означающих. Означаемые исчезают из «реальности», действуют только означающие, которые порождают гиперреальность, состоящую из множества моделей и симулякров. В силу вступает структурный закон ценности знака, который основан на принципе нейтрализации и неотличимости. Знак становится опустошенным, происходит тотальная потеря смысла. Система порождает, производит новые пустые знаки, и так до бесконечности.

В современном обществе индивид может предъявляться через любую существующую сексуальную идентичность. Стало возможным быть мужчиной-гомосексуалистом, женщиной-лесбиянкой, транссексуалом, трансвеститом, фетишистом, садомазохистом и выбрать тот способ социального поведения, которого раньше не существовало. Возникает множество сексуальных идентичностей, которые выходят за пределы нормативной гетеросексуальности. Пол становится поливариантным и неопределенным, утрачивает неизменность природных характеристик. Каждый индивид может сделать операцию по перемене пола. Биологическое основание пола интегрируется в структуры социального и деконструируется.

В глобализированном мире существует несколько биомедицинских сценариев изменения человеческой природы. Трансформация в результате прогресса нейрофармакологии; регенерация любой ткани тела и в связи с этим увеличение продолжительности жизни; проверка эмбрионов до имплантации и рождение «искусственных» детей, клонирование. И как замечает Ф. Фукуяма, эти процессы нельзя остановить. Они связаны с переходом социального в новое состояние, которое обусловлено объективацией субъективного в структурах симулятивной гиперреальности. «Здесь начинается порядок, а точнее, метастатический беспорядок размножения путем простого соприкосновения, путем ракового деления, которое более не повинует генетическому коду ценности. Тогда начинают постепенно исчезать любовные приключения -

приключения существ, наделенных половыми признаками; они отступают перед предшествующей стадией существ бессмертных и бесполох, которые, подобно одноклеточным организмам, размножались путем простого деления одного и того же вещества и отклонением от существующего кода...Сегодня мечтой клонического общества можно было бы назвать обратное: максимум воспроизводства и как можно меньше секса. Прежде тело было метафорой души, потом - метафорой пола. Сегодня оно не сопоставляется ни с чем; оно - лишь вместилище метастазов и механического развития всех присущих им процессов, место, где реализуется программирование в бесконечность без какой-либо организации или возвышенной цели...»¹²

Исчерпание биологического понимания пола предъясняется в продуцировании клонированного бесполого общества. В точке возникновения предела биологического представления пола не только утрачивается его сущность и определенность, но пол вообще «исчезает». В постчеловеческом клонированном обществе половое различие снимается. «Клонирование будет производить существа, отмеченные полом, подобные своим моделям, и в то же время пол делается тем самым совершенно бесполезной функцией, но пол как раз не функция, это то, что превосходит все части и все функции тела... Клон самодостаточен, вернее, самодостаточна молекулярная формула, осуществлением которой он является. Ему не нужно другого, другой»¹³. Зачатие и рождение заменяются технологическим процессом производства пустых форм, идентичных друг другу, заданных конструктами социальной действительности.

Клонирование как результат применения высоких технологий к производству человека является процессом объективации субъективности, где клонированный пол становится пустым знаком субъективности, повторяющим и предъясняющим объективированную генетическую модель. В пространстве

¹² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 13-14.

¹³ Парамонов Б. Человек и его клон// Вещь. 2002. № 11. С. 60

гиперреальности половая различенность существует всего лишь как «пустой» знак без значения, оборачиваясь половой не-различенностью. Следствием генетического конструирования как полной объективации субъективности является возможность полного социального контроля и управления процессами производства пола. Вместе с тем, управление и контроль по отношению к производству пола и половой дифференциации не имеют никакого смысла. Это связано с тем, что клонирование как процесс технического производства не имеет природной половой детерминации, а значит, не нуждается в производстве пола и половой различенности. «С одной стороны, идея о том, что мы способны теперь окончательно сформулировать позитивную идентичность человека, кем он или она «объективно является», что определяет его или ее развитие; с другой стороны, полное знание о геноме – «руководстве по человеческой жизни», как его обычно называют, – открывает возможности технологического манипулирования, позволяя нам «перепрограммировать» наши собственные (или, скорее, других) телесные и психические качества»¹⁴. В постчеловеческом клонированном обществе половая определенность утрачивает какой бы то ни было смысл, становится пустым знаком без значения, симулякрот социальной реальности.

Ситуация отягощается тем, что для индивида в киберпространстве открывается новая возможность – создать вторую знаковую реальность, которая обладает признаками телесности. С одной стороны, кибернетическая реальность позволяет осуществить возможность выхода в пространство чистой субъективности и преодолеть ограниченность материальной телесности, конечности. С другой стороны, создание «виртуальных тел» приводит к полной элиминации идентичности индивидов, т.к. все «тела» в знаково-семиотическом пространстве становятся тождественными и не различимыми. В гиперпространстве индивид предъясвляет себя как виртуальный объект. Виртуализированная субъективность «может переноситься с одного

¹⁴ Жижек С. Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди // URL [http: www.lacan.com/nosex.htm](http://www.lacan.com/nosex.htm)

материального носителя на другой»¹⁵. Носители оказываются не-различимыми по отношению к способности вмещать в себя субъективность. Исчезает возможность идентификации субъективностей через носитель. Иначе говоря, исчерпывается способность к половой идентификации по различию, объективированному в теле или в материальном носителе. Виртуальные сущности обретают не-различимую «нулевую» идентичность, «лишенную» половой и социальной определенности.

Виртуализированная социальная реальность организуется из бесполой, неразличимой, полностью объективированных знаково-символических «сущностей». Не-различимость и не-идентифицируемость индивидов в виртуальном пространстве приводит не только к возможности подмены виртуальной идентичности, но даже к ее полному «стиранию». Индивид как виртуальная сущность утрачивает индивидуализированное существование. Исчезая из всех сетей, он теряет возможность участвовать во множестве действительных социальных отношений, становится как бы «невидимым», «лишенным» идентичности.

В виртуальной реальности телесность лишается своей «человеческой природы». Тело превращается в набор знаков и символов, который не имеет собственной субъективности. «Новая телесность» может подвергаться различным воздействиям через дополнительные квази-телесные органы восприятия, которые оказываются машинными техническими устройствами, подключенными к физическому телу. Цель манипуляций с телом – получить дополнительное наслаждение, его избыток, бесконечно продлить удовольствие. Сверх-избыточное наслаждение является насилием над физическим телом способным воспринимать ограниченный уровень воздействия. Насилие становится «естественным» в пространстве экрана компьютера. «...Кстати, что если все эти новые способы получения удовольствия, которые возникнут в будущем с развитием виртуальной реальности (прямые нейрональные

¹⁵ Жижек С. Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди // URL <http://www.lacan.com/nosex.htm>

имплантанты и т.д.), станут новыми – «расширенными» – возможностями для проведения *пыт*ок? Не открывает ли союз биогенетики и виртуальной реальности новые неслыханные горизонты для расширения нашей способности переносить боль (через расширение наших сенсорных способностей к переживанию боли посредством изобретения новых форм ее причинения)? Быть может, главный садовский образ «бессмертной» жертвы пыток, способной переносить бесконечную боль и не находящей спасения в смерти, тоже вскоре станет реальностью?»¹⁶.

Сексуальная избыточность как виртуальная порнография является результатом воплощения иллюзий «освобожденного желания», «освобожденной сексуальности». Виртуализированная объективированная сексуальность лишается пола, лишается не-хватки как условия всякого желания, лишается смысла. Это предел сексуальности. Тело становится знаком, проявляющимся в бесконечных трансформациях, кодировках и перекодировках, превращаясь в трансформер, существующий в бесконечном морфизме через преобразование и порождение новых форм. Множественность форм возможна только при полной потере устойчивости границ. Исчезновение границ означает не-возможность идентификации. Единственной возможностью обретения идентичности оказывается «бытие-под-взглядом-Другого». Но индивид как объект, существующий под-взглядом-Другого, лишается какой-либо субъективности.

Бесконечная циркуляция сексуальных символов влечет за собой смешение всех форм сексуальности и порождает бесконечную множественность желаний, порождаемых бесконечным множеством виртуальных объектов. В ситуации бесконечного выбора, индивид либо не способен предпочесть что-либо из бесконечного множества объектов, либо становится без-различным к выбору объектов, т.е. все объекты становятся для него не-различимыми. Вследствие бесконечной множественности объектов

¹⁶ Жижек С. Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди // URL [http: www.lacan.com/nosex.htm](http://www.lacan.com/nosex.htm)

желания происходит не только полная объективация сексуальности, но и утрата индивидом субъективного начала как свободы выбора.

При полной объективации субъективности желание исчерпывается, а субъект объективируется, т.е. отождествляется с объектом. Как только объект желания становится тождественным субъекту, желающему его, наступает конец желания, т.к. исчезает дистанция желания между субъектом и объектом, сексуальность исполняется, т.е. объективируется. Полностью объективированная сексуальность лишается пола как ис(з)-пол-ненное, лишается не-хватки объекта желания, лишается смысла. Это предел сексуальности, а, следовательно, и половой функциональности.

Исчерпание пола как принципа репродуктивного производства связано с определением общества производительных сил и отношений посредством маскулинных параметров в контексте патриархатных структур. Не случайно и само название системы «производительная». Производить – порождать – основная функция мужчины – производителя. Бесконечная производительность – мечта о бесконечном и непрерывном получении сексуального наслаждения. Как известно, оно возможно только при наличии желания и, как следствие, новых объектов этого желания. Общество потребления пытается сохранить структуру потребления по «мужскому типу». Отсюда бесконечно продуцируемые агрессия и насилие. Насилие является результатом попыток сделать легитимными новые модели существования. Индивиды интегрированы в современное общество в качестве потребителей, а не производителей. Однако новая система, как и предыдущая, может существовать только до тех пор, пока потребности превосходят текущий уровень их удовлетворения.

Постмодернистское общество развенчало иллюзии о существовании конца пути, где будут достигнуты гармония, удовлетворение всех потребностей, состояние совершенного порядка. Невозможность достижения полного удовлетворения из-за отсутствия границ и определенности в пространстве

разрушает доминантные патриархальные структуры. Происходит глубокая трансформация социальной сферы, стиля, каким живет и воспроизводит себя современное общество. Конструирование социальных структур на основе фаллоцентрических систем ценностей утрачивает свою актуальность и замещается феминными базовыми структурами.

В современном мире происходит естественное разрушение основ жизни. Процессы феминизации в разных областях жизни способствуют высвобождению индивида из сложившихся социальных классовых связей и традиционных отношений между мужчинами и женщинами. Система индустриального общества, находящаяся в состоянии избыточности, начинает уничтожать свое основание – семью. Жизнь индивида делится на две фазы: производства и потребления. Именно процесс потребления стирает социальные границы между классами. Дифференциация происходит на уровне мобильности и образования. Жизненный путь индивида приобретает самостоятельность и наделяется собственной реальностью независимо от социальных условий и связей и переживается как «личная судьба»¹⁷. Женщина начинает самостоятельно зарабатывать и становится абсолютно свободным участником процесса потребления, что меняет соотношение сил в браке и семье. По причине возросшей женской самостоятельности и мобильности, которая необходима в условиях рыночного производства и потребления, супружеское неравенство полов начинает исчезать, а вместе с ним традиционный патриархальный институт. Теперь неравенство полов легитимировано официально и потому приобрело политическое значение. Семейные отношения, в свою очередь, становятся основными и исходными для конструирования «жизни для себя»¹⁸.

Конституированная гетеросексуальность полагалась некой неизменной стабильной данностью. В этом случае нормативная контролируемая

¹⁷ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 72

¹⁸ Там же, с. 89

сексуальность выполняла различительную функцию. Однако сегодня при полной утрате половой дифференциации она более не может исполнять прежнюю роль социального идентификатора. Сексуальность начинает продуцировать себя в качестве желания. Оно становится возможным через создание новых моделей обольщения. Женственность, основа сексуальности в фаллоцентристской системе ценностей, становится культом. Сексуальность переходит в разряд знака и становится соблазном.

Существенно изменились способы социальной дифференциации. Изначально индустриальное общество делилось по половому признаку: мужчины-женщины. Современный социум делится на верхи и низы по степени мобильности – свободы выбора местонахождения и эксклюзивности его членов. В виртуальном пространстве индивиды делятся на «надежных клиентов», тех, кто вошел в базы данных, кого пропустили кредитные и маркетинговые компании, и тех, кто остался по другую сторону «эксклюзивных» индивидов, демонстрирующих во всех СМИ подробности своей эксклюзивной «глобальной» жизни. Те, кто вошел в списки, получают доступ ко всему самому лучшему и глобальной мобильности, а другие отсеиваются службами паспортно-визового контроля. «База данных - инструмент отбора, разделения и отсева. Это сито, на дне которого остаются «глобалисты», а остальные просто смываются потоком. Некоторых она допускает в экстерриториальное киберпространство, позволяя им чувствовать себя как дома и быть желанными гостями везде, куда бы они ни прибыли; других – лишает загранпаспортов и транзитных виз, не позволяя совать нос в те места, что зарезервированы для обитателей киберпространства»¹⁹.

Индивиды, обладающие «эксклюзивностью», являются знаменитостями. Они становятся объектом наблюдения «молчаливого большинства». Демонстрация себя и собственной жизни ассоциируется с изображениями порно-объектов. Их тотальный образ жизни соблазняет и влечет миллионы

¹⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., Издательство «Весь мир», 2004. С. 76

людей. Человек со все большей страстью мечтает внести себя в кибернетические реестры и быть приобщенным к глобальному обществу. Происходит самообъективация, и, как следствие, потеря субъективности и смысла существования. Порнография в глобальном масштабе.

Для индустриального общества было характерно наличие цели. Цели придумывались, создавались и продуцировались заново по мере их достижения. Они служили ориентирами движения человека в поле социальной реальности. Смысл существования индивида заключался в процессе реализации поставленных задач и движении к новым. Время имело свои пределы, но они могли отодвигаться в зависимости от степени продвижения к имеющимся целям. Современная действительность, при отсутствии ментальности, выстраиваемой на долгосрочной основе, предлагает немедленное вознаграждение «здесь и сейчас» в качестве разумной стратегии. Откладывание удовольствий на потом утратило свою притягательность.

Итак, социобиологическое «эссенциалистское» бытие пола подошло к своему пределу. Дифференциация полов, разворачивающаяся посредством бинарных способов структурирования половой идентичности, утратила свои смыслообразующие дефиниции.

Пол как секс маркируется как биологическая категория, отсылающая к процессу производства человеческого рода. Производство пола как секса функционирует в качестве социального производства и становится неразделенным с экономическим. Брак и семья, получающие статус социальных институтов, выполняют регистрирующую функцию отношений сексуального производства, токсическую функцию производства социальных норм, а также функцию контроля «законности» сексуальной деятельности, не выходящей за пределы «разрешенных», то есть легитимированных практик получения удовольствия. Секс, являющийся основой производственных систем, всегда конституирован и легитимирован в поле социальных дискурсов.

Биологическое основание пола интегрируется в структуры социального. Пол как секс более не может соответствовать запросам постклонического общества. В постчеловеческом производстве генома как идеальной модели человеческой сущности отсутствует необходимость как в половом различии, так и в сексе, его определяющим. Клонированный пол исключает направленность на объект желания, становится пустым знаком в пространстве семиотического производства, лишая пол субъективности. Пустые знаки без значения утрачивают определенность, а производство новых человеческих особей в границах киберпространства не нуждается в поле как сексе.

Биологический дискурс, артикулирующий гетеросексуальность как способ половой идентификации индивида через функциональные различия как природную данность, теряет свой организующий статус производства полового различия. Современный индивид свободен в выборе сексуальной ориентации и половой принадлежности (операции по перемене пола). Невозможность детерминации субъективного сексуального желания полом как сексом актуализирует сексуальную избыточность, «освобожденное сексуальное желание», которое находит свое выражение в гипертрофированных перверсивных формах сексуальности, порнографии и насилии. Объективированная сексуальность, предельная в своем наслаждении, не обращенная к полу и, как следствие, к Другому, лишается не-хватки как обязательного условия всякого желания. Тело становится знаком, частью желающего производства, существующего посредством бесконечных трансформаций и порождения новых форм получения наслаждения. Множественность форм при полной потере устойчивости границ оборачивается не-возможностью идентификации, а способ идентификации «под – Взглядом - Другого», например, в порнографии, лишен субъективности. Пол посредством форм своего предьявления в современном социуме становится поливариативной категорией, порождающей половую неопределенность.

Артикуляция сексуальности возникает как проблема избыточности

сексуального наслаждения по отношению к «производственному» акту зачатия. В целях сохранения социального порядка и равновесия начинают осуществляться стратегии контроля через дискурсивные режимы власти (медицинский, биологический, психологический, психиатрический, юридический дискурсы). Сексуальность должна быть объяснена, легитимирована и вписана в нозологическое поле нормативности. Заданная нормативность наделяется трансцендентной субъективностью, обращающейся в имманентную дискурсивность. Индивид постоянно обнаруживает свое несоответствие трансцендентной норме, он оказывается избыточным по отношению к ней. Избыточность продуцирует поиск новой идентичности, возникающей как результат пролиферированного множественного сексуального желания.

Возникающее биполярное поле нормативной и а-нормативной сексуальности активизирует действие властных политик и практик. Сексуальность становится объектом политизированных дискурсов, тем самым, получая институциональный и легитимированный статус «сексуальности как секса». Утрачивая свою «субъективную» желаемую сущность, сексуальность трансформируется в «чистый» знак, «свободно» и бесконечно циркулирующий в пространстве властных дискурсов. Сама власть начинает предъявляться в терминах либидинальной экономики. Объективированная сексуальность становится означающим экономического производства, структурообразующим принципом современной системы потребления.

Половая дифференциация, являющаяся основанием социальной идентичности индивида, снимается. Пол, полностью объективированный в пространстве биологического дискурса, становится тождественным сексу, основе социального производства, достигающего своего предела в производстве сообщества клонированных сущностей, лишенных всякой субъективности.

Нормативная сексуальность, предъявляемая в категориях

легитимированного производства пола как секса, оборачивается субъективной сексуальной а-нормативностью. Миноритизированная, девиантная, асоциальная сексуальность, не вписывающаяся в нозологическое поле конституированных дискурсов о сексуальности как сексе, достигает своего логического предела в предъявлении множественных форм бесконечно пролиферирующего сексуального желания индивида. В ситуации представленности перверсивного желания половая идентичность утрачивает свою определяющую функцию социальной идентификации. Социальная субъективность становится неопределенной при потере индивидуальной идентичности, вследствие половой неопределенности.

Возникает ситуация предельной объективации пола и, как следствие, половой неопределенности и неразличенности. Социальная система, делающая попытки удержать гетеросексуальное равновесие через половое различие в институциональном равновесии, конституирует дискурсы о сексе и сексуальности. Получившие легитимность и дискурсивность секс и сексуальность объективируются в процессе своего предъявления в социальных структурах, исключая пол как способ индивидуальной идентификации и субъективации. Категория пола интериоризируется в структуры социального конструирования. В качестве онтологической сущности пол становится «нулевым», лишаясь своей различительной функции. Современный индивид необходимо оказывается в точке вопрошания по поводу собственной половой идентичности.

§2. Идентификация пола в структурах гендера

Социальная реальность структурируется в пространстве различности. Конститутивным фактором социальной структуризации является пра-деление. Биологический пол становится первым основным принципом социального деления и структурирования. Индивид в обществе не рождался свободным, он сразу наделялся аскриптивными признаками, в том числе полом. Такое разделение оценивалось и интерпретировалось как космологический порядок вещей или порядок, «имманентный природе».

Категория биологического пола до сих пор считается нередуцируемой категорией, так как она непосредственно связана с телесностью и анатомическим строением человека. Однако история описания анатомических различий между мужчинами и женщинами независима от действительной структуры половых органов. Именно существующая идеология определяет восприятие тела и его значение. Медицинский дискурс актуализирует доминирующие политическую и культурную парадигмы через категориальные аппараты, системы классификации и выбор объекта исследования. Д. Харавей отмечает, что биологический пол конструируется биологическим научным дискурсом. Биологический пол может «переписываться» в зависимости от существующей социальной ситуации, однако он продолжает оставаться природной данностью.

«Природные» различия мужчин и женщин, определяющиеся их физиологическим строением наружных половых органов, конституируются и закрепляются гетеросексуальной матрицей, которая становится нормативным компонентом системы. Нормативность обеспечивает не только функциональность системы, но и ее целостность. Целостность системы предполагает, что она по своей сути идеальна и гомеостатична, то есть находится в ситуации стабильной институализации и социального равновесия. Социальная дифференциация полов является следствием биодетерминизма, где

роль «Большого Другого» выполняет сама Природа. Далее эта роль присваивается Закону, Социальному Порядку, Богу, Отцу и т.д.

В процессе деления членов социального сообщества по признаку биологического пола всегда остаются элементы, которые не подходят под принцип данного структурирования. Таким избыточным остатком является гермафродитизм, отменяющий универсальность принципа деления по биологическому полу.

Невозможность полной структурной дифференциации по принципу полового распределения задает необходимость использования других критериев деления, в частности, таких как возраст или раса. Половозрастные характеристики являются новым основанием структурного деления, дополняющего разделение по половому признаку. Новое деление обеспечивает включенность стариков, детей в социальные структуры и их конституирование в качестве членов семьи. Социальность структурируется конструктом «семья», который понимается как способ представления социальной реальности через разновозрастные группы. Вместе с тем, семья представляется как топос производства социальных структур через репродуктивную функцию воспроизводства человеческого рода. Биологическое производство человека становится конституированным и закрепленным в социальном институте. В браке регистрируются отношения сексуального производства, а также контролируется и поддерживается социальный, политический и экономический порядок. Дифференциация членов семьи сохраняет традиционный принцип деления по биологическому полу и продуцирует фаллоцентрическую систему ценностей в системе человеческого «производства». «Вне зависимости от политической или философской ангажированности авторов, общий вывод остается неизменным: пол есть отражение сложившегося разделения труда в обществе, а, следовательно, и имеющихся материальных, моральных, политических и т.п. ресурсов»²⁰. Тело индивида, способное чувствовать и

²⁰ Ушакин С. А. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007. С. 42-43.

испытывать удовольствие, замещается социальным телом и становится производственной моделью. Пол становится основанием гендера, а гендер рассматривается как социальная импликация пола, «пришпиленная»²¹ на биологическое основание.

Категория пола интегрируется в социологическое понятие роли. В основе объяснительных моделей дифференциации социальных ролей женщин и мужчин находится биодетерминистический подход. Он отсылает к натуралистическим концепциям структурирования половой идентичности, основой которых является идея «об основном, примитивном, неконфликтном и отчасти бессознательном чувстве принадлежности именно к этому, а не к другому биологическому виду»²². Однако, как утверждают другие исследователи данной темы (Ф. Тайсон, Р. Тайсон), половая идентичность имеет три линии развития. Она дифференцируется на ядерную половую идентичность, поло-ролевую идентичность и выбор объекта любви. Если ядерная идентичность по своей природе является субъективным переживанием, то поло-ролевая и обусловленная объектом любви связаны непосредственно с Другими, в качестве которых могут выступать как индивиды, так и Общество, Власть, Культура и т.д.

Репрезентации «социальных ролей» постепенно срастаются с аспектами осознания первоначальной половой идентичности. Социальная идентичность вытесняется и замещает объективированную половую идентичность, основанную на нерелексированном или бессознательном отнесении себя к биологическому полу. Ребенок находится в бессознательном вопрошании своей половой идентичности, доказывая свою принадлежность к тому или иному биологическому полу, производному от его анатомического строения, через когнитивные функции в процессе поиска подобных себе объектов в качестве ролевых моделей в соответствии со своей собственной идентичностью.

²¹ Пулькинен Т. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция/Под ред. Штегмайера В., СПб, 1999. С. 167-181.

²² Павлова О.Н. «Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности», М. 2001.

Социальные роли, которые исполняют мать и отец в процессе воспитания ребенка и навязывании ему определенных гендерных стереотипов на начальном этапе порождают «половую» двойственность. Ребенок попадает в ситуацию постоянного колебания и блуждания между двумя возможными идентификациями. Неслучайно З. Фрейд «говорит о бисексуальности как о "конституциональном" для каждого индивида явлении»²³. Эдипов комплекс также подтверждает плавающий характер половой идентификации. Необходим страх возможной кастрации для установления и фиксации половой идентичности. Если для девочки факт ее изначальной кастрации является определяющим ее женскую идентичность, то у мальчика процесс идентификации, связанный со страхом кастрации, откладывается во времени. Соответственно, для мальчика половая идентичность становится навязанной. Если «навязанный пол» останется неотрефлексированным, то это грозит психосексуальными извращениями. Именно поэтому сексуальными маньяками являются исключительно мужчины.

Роли, исполняемые родителями и навязываемые ребенку, носят символический характер. Понятия «отец» и «мать» трансформируются в качественные категории «мужественности» и «женственности» и начинают продуцировать гендерные стереотипы, а «обретение пола есть процесс обучения традиционно сложившимся образцам поведения, каждое из которых трактуется либо как мужское, либо как женское»²⁴.

Социальные структуры через средства массовой информации пытаются сохранить традиционные стереотипы, основывающиеся на бинарности маскулинных и феминных параметров. Д. Батлер определяет гендер как перформацию идентичности в данный момент у данного субъекта под влиянием определенных социальных стереотипов. Воспроизводится гетеросексуальная патриархатная идеология противопоставления в структуре

²³ Ушакин С. А. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007. С. 38

²⁴ Там же, с. 42

биологического дискурса. Гендер является продуктом конституированных дискурсов о поле как сексе.

Если секс изначально выполнял функцию биологического производства, то гендер, являясь его означающим, становится основой социального и экономического производства, выполняя функцию ролей, которые характерны для сексуального производства. Гендер подчиняется законам дискурсивных практик, которые начинают продуцировать и предъявлять себя абсолютно самостоятельно с момента возникновения семиотики и герменевтики. Он становится основанием социального порядка, который удерживает бинарную структуру «мужчина - женщина» в равновесии и производит бесконечные властные дискурсы. Благодаря знаковой инверсии гендер начинает определять секс и придавать ему «нужные» значения. «Таблица знаков является *образом* вещей. Если бытие смысла целиком располагается в области знака, то функционирование — в области означаемого»²⁵. В гендере, обращенном к сексу, всегда выполняется функция его контроля и регулирования. Он санкционирует сексуальные проявления и удерживает их в норме.

Гендеризация становится инструментом эффективного управления в социальном пространстве, наполняя социальные структуры гендерными смыслами и интерпретациями. Каждая точка пространства определяется, а все структурированное пространство становится картой. Точка, нанесенная на карту, изначально определяется в социокультурном контексте. «Тем самым центр притяжения в организации пространства смещается от вопроса «кто?» к вопросу «из какой точки пространства?»²⁶ В пространстве карты все маршруты проложены нормами, а поведение индивида предопределено. Обезличивание субъективности в мире, нанесенном на карту, поименованном и узаконенном, сопровождается возникновением рационального порядка, обеспечивающим большинству индивидов максимум определенности и уверенности в

²⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Изд-во «Прогресс», 1977. С. 100

²⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь мир», 2004. С. 51

повседневной жизни.

Матрицей человеческого существования в заданной социальной реальности становится система социальных дисплеев, или социальных фреймов, с помощью которой можно действовать и непосредственно управлять миром. Унификация различных поведенческих актов, как отмечает Гофман, является естественным результатом развития социальной организации, а социально санкционированные основания заключений и действий, на которые люди опираются в своих повседневных делах и предполагают, что другие их используют так же, образуют «общую культуру» (Гарфинкель).

Четко заданная сконструированная социальная действительность и наличие простой системы идентификаций, которая строится на нескольких ключевых основаниях, облегчает процесс коммуникации. Дисплеи «экспериментально подготавливают почву для контактов, вырабатывают модус, стиль или формулы взаимодействия, которые создают дискурсивные гарантии для всех участников коммуникации – и для персоны, которая предъявляет дисплей, и для тех, кто становится ее свидетелем».²⁷ Таким образом задается гендерная идентичность.

Индивид вел себя так, как требовал того социум, то есть социальная реальность структурировала поведение человека. Он предъявлял себя через различные облики, образы, маски - универсальные формы самообъективации в границах коммуникативного пространства. Индивид действовал в соответствии с социальной ситуацией. «Он должен – осознанно или фактически – стилизовать себя так, чтобы другие присутствующие немедленно опознали в нем принадлежность к тому или иному типу социальной ... идентичности».²⁸ Происходит самообъективация идентичности индивида, и, как следствие, потеря субъективности. Объективация как овнешнение переводит все внутреннее субъективное наружу, выставляя его напоказ. Индивид не

²⁷ Гофман И/ Гендерный дисплей //Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 309.

²⁸ Там же, с. 311.

заботится не только о том, чтобы быть увиденным, но даже о том, чтобы быть. «Человек не говорит себе: я существую, я здесь, но: я видим, я - изображение, смотрите же, смотрите!».²⁹ Он утрачивает внутреннее как свое собственное, как субъективность, становится о-без-личным в стандартизованном социальном пространстве.

В рационализованном мире всеобщего порядка производства, доминирующими становятся социальные идентичности, принадлежащие общему грамматическому роду «товарищ», «рабочий», названия профессий и т.д. Например, в первые годы становления советской власти в СМИ усиливается «общее отражение трудового энтузиазма советского народа. На первый план выступают не мужчины или женщины, а героизм трудовых свершений. В связи с этим снижается частотность номинаций лица в соответствии с его полом (*мужчина, женщина*)»³⁰. Возникает дискурсивное безразличие к полу. В этой ситуации манифестация гендера по половому признаку практически отсутствует. Полоролевая дифференциация не выражена. Гендерные ассиметрии в данной ситуации носят минимальный характер.

Языковая репрезентация пола изменчива во времени и зависит от экстралингвистических факторов. Средства массовой информации «навязывают» индивидам ряд поведенческих моделей в качестве ожидаемых от представителей того или другого пола. Акценты на взаимоотношении полов создаются искусственно, тем самым, актуализируя властные дискурсы. Смена акцентов деформирует «общепринятые» нормы, действующие в том или ином социальном контексте, и продуцирует новые.

Несмотря на то, что доминирующей и определяющей является патриархатная социальная модель с доминированием мужских ролей, тем не менее, под воздействием социальных и культурных факторов традиционные концепты гендерных ролей начинают меняться. «Оба пола с достаточной

²⁹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000г. С. 37.

³⁰ Кирилина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000.

частотностью описываются как «работающие», «имеющие профессию», «сильные», «высококласные», «наделенные властью» и т.д. Кроме того, отмечается тенденция к росту частотности описания женщины как «уверенной в себе», «себялюбивой», «имеющей успех», «карьерной» (т.е. успешно делающей свою карьеру). Однако постоянно воспроизводится прежняя акцентуация гендерных стереотипов. Женщина начинает выступать в качестве сексуального объекта, а мужчина в роли потребителя женской сексуальности. Гендерная асимметрия выражена достаточно ярко и отсылает к традиционалистским парадигмам гендерной стереотипизации. Гендерный стереотип – это принятое в данный момент данным обществом устойчивое представление о различиях между мужчинами и женщинами. Усвоение гендерных стереотипов происходит в процессе социализации и включает в себя усвоение устойчивых стереотипизированных норм поведения. Повторяющееся поведение женщин и мужчин согласно принятым в обществе представлениям о «мужественности» и «женственности» подтверждают действительное наличие системы гендерных стереотипов.

Избыточность гендерной асимметрии порождает противоборствующие тенденции, проявляющиеся в движении «мейнстриминга», направленного на интеграцию гендерной симметрии во все аспекты организации, структуры, системы и культуру. «Феминистский дискурс достиг сильно профессионализованного практического уровня, на котором стратегиям отчуждения дискурса отвечают наступательные контрстратегии»³¹. Целью гендерного мейнстриминга является достижение гендерного равноправия, которое начинает продуцировать множество моделей идеальных гендерных ролей. Необходимо отметить, что исследователи данной темы обозначают эти роли «половыми ролями».

Предлагаемые варианты: неотрадиционная модель (Ф.Меринг и

³¹ Мюллер У. Пол и организация: долгие дебаты и актуальные тенденции // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, том II, выпуск 2.

Р.Тернер), трехфазная модель (А.Мюрдаль и В.Клейн), модель симметричных ролей/двухкарьерная семья (Рона и Роберт Раппопорт, Б. Фридан), идентичные роли (Дж. Трибилкот, Н. Вайсстайн), андрогинная модель (С. Бём), универсальная или монополювая (Э. Росси, Б. Фориша), радикально-феминистская модель (Дж. Бернад, К. Сафилиос-Ротшильд), трансцендентная концепция половой роли (Р. Хэфнеер, В. Нордин), - это способы структурирования гендерной идентичности в границах социальных структур. Дискурс гендерной идентичности является структурообразующим элементом дискурса власти. Пол в данном контексте задается как эссенциалистская объективирующая категория, отсылающая к биологическому фундаментализму. Бесконечное дифференцирование как установление различностей постепенно приводит к снятию определенности или различия, т.к. характеристики различности по мере увеличения числа факторов становятся все менее значимыми, т.е. не-различаются. Можно сказать, что множественная гендерная идентичность порождает ситуацию половой не-различности.

Как отмечает У. Мюллер, гендерные культуры и структуры до сих пор остаются ассиметричными. Но если раньше решающую роль играла в производственных отношениях «квалификация», то почему сегодня «внезапно должен играть роль "пол"?³² Однако речь идет не о половой дискриминации, а всего лишь о гендерной структуризации, за которой стоят властные режимы и политики. Гарриет Уайтхед, проводившая антропологическое исследование среди бердашей, у которых социальная и культурная роль в обществе не определяется дву-полярной половой структурой, подтверждает, что определяющим фактором в их социальном бытии является разделение труда, а не полов, то есть выбор «пола» обусловлен социальным контекстом, в котором формируется институт бердашизма³³. Подтверждением, что гендер является продуктом социальной системы, а не пола, является и замечание Регины

³² Мюллер У. Пол и организация: долгие дебаты и актуальные тенденции // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, том II, выпуск 2.

³³ Ушакин С. А. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007. С. 47

Оболер, проводившей этнографическое исследование в Западной Кении, "мужественность" женщины-мужа...определяется не столько её анатомическим строением, сколько её ролью в экономическом укладе общества»³⁴.

Казалось бы, приведение социальных отношений к гендерной симметрии должно решить проблему женского подавления. Однако, как отмечает Ю. Н. Солонин, современный феминизм настойчиво выстраивает параллельную культуру и социальность, предъявляющие себя через «особое» женское искусство, женскую литературу, женскую философию и т.п. Женщина продолжает заявлять о себе как о субъекте. Она выступает в качестве Иного, Другого по отношению к любой социальности, конституированной Властью. Женщина находится всегда по «ту сторону Власти».

Стереотипы поведения при утрате смысла существования обеспечивают процесс воспроизводства вещей, знаков и действий. При отсутствии целей существования «все сущее продолжает функционировать... Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным»³⁵. Социальная реальность бесконечно самовоспроизводится.

Одинаковость сконструированного пространства, соответствующего стандарту, лишает индивида необходимости и навыка рефлексии. Он становится все более нетерпимым к нарушению порядка. Все, что находится за границами понимания общепринятого, подвергается агрессии и неприятию. «Жители, по той или иной причине не соответствующие стандартной норме («больные граждане», «граждане-инвалиды и слабоумные старики», и те, кто «заслуживают временной изоляции от остальных») будут помещены в зоны, расположенные «с внешней стороны от всех кругов, на определенном

³⁴ Ушакин С. А. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007. С. 49

³⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000г. С. 12.

расстоянии»³⁶. Появляются сообщества стигматизированных индивидов, отклоняющихся от общепринятых общественных нормативов и стандартов.

Любые формы сексуальности, отличные от нормативной гетеросексуальности считаются девиантными формами и подлежат дискриминации. Общество начинает создавать и структурировать различные теории, которые могли бы обосновать отклонения от принятых норм и предупредить опасность, исходящую от индивидов, имеющие эти отличия и оправдать свою враждебность по отношению к ним.

В свою очередь стигматизированные индивиды (И. Гофман), к которым относятся и представители сексуальных меньшинств, образуют свои сообщества, где они могут актуализировать свои стигмы как особые самодостаточные идентичности. Возникает новый дискурс, отличный от традиционного научного дискурса, актуализирующего нормативную гетеросексуальность. Начинается процесс легитимации квир-исследований, предъявляющих и институализирующих «иную», ненормативную, запрещенную сексуальность, находящуюся по другую сторону нормативной гетеросексуальности. Возник новый дискурс альтернативной сексуальной идентичности. Легитимация и институализация сексуальной «инаковости» и «друговости» приводит к ее исчезновению. «То, что в течение долгого времени церковь именовала содомским грехом, получило “вид на жительство” в качестве культурного знака, образа, мотива, формы социального поведения и репрезентации»³⁷.

Гендерная идентификация, апеллирующая к биологическому полу как основанию гетеросексуального деления, лишается смысла. Размытая множественная сексуальность, представленная различными «девиантными» формами сексуальной ориентации, начинает вписываться в нозологическое

³⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь мир», 2004. С. 57

³⁷ Суковатая В. Квир-теория и литературные практики на Западе и в России // Девиантность в социальном, литературном и культурном контекстах: опыт мультидисциплинарного осмысления. Сборник научных статей, Минск: Юнипак, 2004, с. 154-175

поле социальных дискурсов. Гендер, выполнявший структурообразующую функцию социального порядка и равновесия, основой которого являлась гетеросексуальная матрица, более не способен различать, а, следовательно, структурировать вновь возникающие индивидуальные идентичности. Гендерный дискурс становится индифферентным к половой и сексуальной идентичности индивида.

Гендерная идентичность больше не совпадает с половой идентичностью. Происходит разделение пола и секса, биологического дискурса и социального. Половая идентичность в поле социального дисплея утрачивает свой смысл. Пустой знак «пола» может наполняться любым содержанием. Мужское и женское становятся не-различимыми, вследствие их взаимозаменяемости. Гендерные идентичности становятся универсальными. Пол как секс замещается унисексом и метросексуальностью.

Традиционная бинарная логика исключения приводит к «генеалогическому повороту»³⁸. Биологический пол перестает быть основанием существующих «половых различий», он становится средством «продуцирования гендерезированной реальности»³⁹.

Множественная сексуальность, лишённая биологического основания, становится перформативной. Пол перестает мыслиться как сущее, он начинает продуцироваться имитирующими представлениями. Согласно Д. Батлер, «пол – это те действия, которые создают идентичность, на которую претендует пол».⁴⁰ Если перформативность является процессом, и пол постоянно продуцируется, то это говорит о полном «обнулении» категории пола как биологической

³⁸ Пулькинен Т. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер. Сборник Герменевтика и деконструкция//Под ред. Штегмайера В., Франка Х, Маркова Б.В. СПб. 1999. С. 167-182

³⁹ Там же

⁴⁰ Там же

данности, и пролиферации гендера в качестве пустого знака, циркулирующего в пространстве социальной гиперреальности. Процесс гендерной идентификации становится процессом объективации субъективности в рамках выбора социальной идентичности. Любая «половая» идентичность обнаруживает себя в социальном пространстве в качестве гендерной, сконструированной тем или иным дискурсом. Множественная сексуальная идентичность, вследствие размытости и утраты смысла, приводит к пределу гендерную. Различение биологического и социального оборачивается пределом социального и дискурсивного конструирования.

Безразличие к полу в структурах гендеризированной реальности позволяет каждому индивиду абсолютно свободно выбирать идентичность. В своем выборе он руководствуется лишь собственной выгодой. «Люди, в отличие от других животных, могут быть достаточно сознательны в тех дисплеях, которые они осуществляют, более того, большинство дисплеев разрабатываются и осуществляются в соответствии с сознательным выбором».⁴¹ Для современных индивидов проблема состоит не только в том, чтобы обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, но и в том, какую идентичность выбрать и как ее изменить, если она утратит свою актуальность, потеряет свою ценность в изменившихся вновь условиях существования. Половая идентичность трансформируется в определенные ожидания индивидов и предъявляемые требования по отношению к ним.

Традиционные паттерны поведения, которые описывает И. Гофман, начинают утрачивать свою первичную функцию. Ранее они являлись позициями, принимая которые можно было бы предпринять логичные действия при выборе жизненных стратегий: работы, профессии, партнеров, моделей поведения и т.д. – позволявшие стабильно ориентироваться в мире. Сегодня все заданные рамки и образцы оказываются разрушенными и конструируются «по

⁴¹Гофман И/ Гендерный дисплей //Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 314.

ходу действия». Фреймы не могут рассматриваться как данность, современным индивидам необходимо избавиться от привычек и привыкания к общепринятому порядку и обрести кратковременную ментальность. Мобильность человека заключается в его быстром реагировании на изменение условий окружающей среды. Он экспериментирует «с мгновенно собираемыми и легко разбираемыми формами, нанося один слой краски на другой; поистине, это напоминает палимпсест древности – текст, написанный на пергаменте поверх другого»⁴². Индивид более не выстраивает свою идентичность последовательно, он стирает, дополняет, и вновь изменяет свои жизненные сценарии. Он должен развивать способность сосуществовать в современном мире с неопределенностью и двусмысленностью, с разнообразием точек зрения и множеством планов исполнения своей жизненной роли. Необходимо развивать рефлексивные способности и изменять «рамки» для принятия ответственности за индивидуальный выбор и его последствия. Современный человек должен «гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность»⁴³. Все чаще он попадает в ситуацию выбора, которая требует от него самостоятельных решений.

Смысл процесса индивидуализации состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной или врожденной предопределенности его социальной роли. Изначально в рамках социальных структур класс и пол являлись «естественными» признаками. Целью большинства «самоутверждающихся» индивидов становилось «вписаться» в отведенную и нужную нишу или приобщиться к тому или иному стилю жизни. Для этого необходимо было усвоить определенные паттерны поведения как можно точнее исполнять выбранную социальную роль, соответствующую принятым общественным стандартам. Признаки класса и пола довели над

⁴² Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: «Логос», 2002. – 390 с.

⁴³ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир», 2004. С.

возможностями личного выбора в системе социального контроля.

Поскольку мир перестал быть устойчивым, стабильным, определенным и завершенным в точке реализации и достижения поставленных целей, постольку индивид оказался в состоянии постоянной трансгрессии. Он должен самостоятельно определять свою сущность и сущность своего бытия. Предопределенность социального положения заменяется принудительным и обязательным самоопределением. В современной социальной реальности, характеризующейся эпизодичностью и фрагментарностью, те места, которые индивиды хотели бы занять в обществе, быстро трансформируются или меняют положение. Прежние устойчивые структуры разрушаются и демонтируются, но альтернативных структур, обладающих узаконенным статусом, пока не существует. Социальные модели перестали быть «заданными». Эти модели трансформировались в задачу, стоящую перед современным индивидом. Индивидуальность оказывается продуктом общества, а форма нашей социальности зависит от того, как решается проблема «индивидуализации». Современный человек обладает идентичностью, существующей лишь в виде незавершенного проекта.

Индивид в поисках идентичности идентифицирует себя с Другим, и отождествляет свое поведение с близкими ему теми или иными паттернами поведения. Сравнивая себя и свою жизнь, он самоопределяется в границах социального пространства.

Гендер как присвоенный социальный пол функционирует через коммуникативное пространство. «Состояние» гендера зависит от коммуникативной ситуации, от присущей этому обществу социально-функциональной стратификации языка. Каждое общество имеет свою коммуникативную структуру, заключающуюся в системе социальных ролей, институтов, учреждений, норм, средств воплощения, передачи, хранения и обработки текстов.

В акте коммуникации могут участвовать адресат и адресант только с

определенными гендерными характеристиками. Для того, чтобы обратиться к кому-либо, его необходимо окликнуть или назвать, то есть, выбрав номинацию, идентифицировать по гендерному признаку объект обращения, который предъявляет себя или по бросающим различительным признакам, или по известным характеристикам и отношениям, либо в структурах определенного грамматического рода. В выборе индивидом соответствующей социальной роли, отражающей процесс самоидентификации субъекта, важное значение приобретает символический уровень. Именно категория гендера, имеющая знаково-символическую структуру, предъявляет себя через воспроизводство традиционных языковых структур, которые являются основанием первичных идеализированных когнитивных моделей или фреймов, или сценариев. Они изначально складывались и закреплялись в системах языка различных культур.

Выбор обращения прагматически обусловлен, так как знания и отношения между индивидами смоделированы в виде сценариев и фреймов, которые облегчают процесс коммуникации. Безусловно существует метагендерный слой обращений, но остальные обращения имеют четкую гендерную дифференциацию.

Индивид, обращающийся к Другому, начинает выступать в роли субъекта, так как он находится в процессе перехода от предикативной номинации к идентифицирующей. Возникает субъективная семантика. Индивид, обращающийся в акте коммуникации к объекту своего желания, необходимо оказывается в пределах процесса самоидентификации. Этот механизм хорошо иллюстрируется в брачных объявлениях, представленных в печатных средствах массовой информации. «Для настоящих мужчин! Имею все необходимые качества для женщины», «приятная во всех отношениях москвичка с очевидными крупными достоинствами», дама «большой сексуальной ориентации»; «элегантная дама», «дама высокого стиля» и, наконец, шедевр из этого ряда - «красивая леди, элегантная, изящная, наделенная душевной тонкостью, пониманием прекрасного, знанием этикета, безупречным прошлым,

творческой профессией».⁴⁴ Несмотря на то, что через представленность себя в обращении к Другому происходит самообъективация субъективного, непосредственно в точке обращения индивид функционирует в качестве субъекта в акте самопредъявления. «В ряде же предложений отмечу в качестве «ключевого слова» достаточно неожиданное - «неординарный». Не берусь утверждать, стоит ли за ним преувеличенное сверх меры самомнение или действительная самобытность судьбы и характера. Важно другое - никто, оказывается, не хочет быть «как все», каждый ощущает свою неповторимость и даже готов подчеркнуть ее, вступая в обезличенный поток типографского шрифта на газетной полосе»⁴⁵.

Субъект начинает проговаривать себя на языке собственного желания. Он начинает соблазнять объект своего желания, или Другого. «Вот почти идеальное в этом плане обращение-обещание: «хотели бы вы после утомительного рабочего дня, приоткрыв дверь своего дома, вдохнуть приятный аромат душистого пирога, тонкий запах румяной жареной курочки? Открыть дверь дома, где вас встретят нежные глаза вашей жены и ее ласковые заботливые руки? Если да, то...»⁴⁶

Индивид, выступающий в роли Автора воображаемой реальности, структурирует свою самоидентичность. Человек предъявляет свою индивидуальность, незаурядность и исключительность через механизм соблазна. Он определяет себя через Другого. Механизм соблазна реализуется в рамках игровых моделей, представленных в виде гендерных дисплеев. Игра предполагает поливариативность развития действия, вследствие чего она становится индивидуальной. Адресат, или предполагаемый партнер, изначально включен в ситуацию коммуникации. Качество желания привносит в игровую ситуацию фактор неожиданности, позволяющий выходить за пределы

⁴⁴ Базылев В.Н. Брачное объявление: опыт интроспективного анализа // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000

⁴⁵ Там же

⁴⁶ Там же

стереотипичности и обретать индивидуализированную идентичность.

Итак, категория гендера возникает в точке предельной объективации сексуального дискурса. Избыточность сексуальности элиминирует смысл функционирования секса как способа сохранения социальной системы в равновесии. Секс более не способен быть конституирующим основанием дихотомической гетеросексуальной матрицы «мужское - женское», являющейся основой общественных систем производства. Гендер становится базовой категорией социального порядка. Он возникает как способ конструирования социальной идентичности индивида в соответствии с существующими производственными структурами. Гендер по своей «природе» дискурсивен и, соответственно, функционирует по законам дискурсивных практик. Имея знаковую природу, он задает любое содержание индивидуальной идентичности в зависимости от существующих властных режимов и политик.

Гендер становится инструментом осуществления политик разделения и контроля по типу доминирующего социального производства. В процессе объективации субъективности возникла система социальных дисплеев, или фреймов, ставшая матрицей человеческого существования в границах социальной реальности. Формы социального бытия для индивида оказываются изначально заданными, ритуализированными и символически обработанными. Заданность сконструированной социальной структуры и наличие универсальной системы идентификации конституируют гендерную идентичность. Индивид предьявляет себя согласно требованиям социума, его поведение становится полностью структурированным и предсказуемым. Он постоянно самообъективируется посредством предложенных ему социальными дискурсами образов, обличей, масок, ролей в границах коммуникативного пространства. Происходит унификация индивидуальных идентичностей. Представленный на «экране» бытия «облик» индивида, его наружность, более не обращенные к внутренней сущности, снимают различенность с Другими в поле социальной реальности.

Принцип «обезличивания» становится центральным критерием принципа производства, где биологический пол индивида не имеет принципиального значения. Гендерные ассиметрии, выстраиваемые посредством стратификационных гендерных практик, основывающихся на патриархатном принципе деления с мужским доминирующим началом, носят в современной системе производства минимальный характер. В структурах производства гендерная идентичность предьявляется как «нулевая степень» в предельной точке в качестве о-без-личенного «индивида», лишенного как половой, так и любой другой идентичности.

Гендерная унификация, связанная с процессом стереотипизации, при утрате смысла существования обеспечивает функциональность социального воспроизводства. Индивидуальное, различимое вследствие отсутствия дифференциации становится объективированным, повторяющимся, размножающимся пустым знаком и формой. Искусственно сконструированное пространство с помощью традиций лишает индивида навыка рефлексии, так как он никогда не сомневается в законности своих действий, конституированных надличностным трансцендентным началом, предьявленным посредством властного дискурса. Посредством социальных дисплеев индивид интегрируется в социальные структуры. В процессе усвоения заданных и принятых социальных стереотипов существование индивида становится легитимным. Теряя свою уникальность, он является универсальным существом, индифферентным к половой различности, тем самым лишая смысла «социальный пол».

Гендерная структуризация изначально выполняла нормативную функцию. Она конституировала норму в качестве социального порядка и осуществляла политики исключения не-нормативных стигматизированных элементов. В современном социуме социальная структуризация по гендерному признаку приходит к своему пределу: она не может охватить индивидов с «иной», «девиантной» формой сексуальной ориентации. Гендерное деление более не

может ориентироваться на биологическое разделение на мужские и женские идентичности, подтвержденные гетеросексуальной ориентацией. Размытая множественная сексуальность и половая идентичность «обесценили» гендер как структурообразующую категорию Порядка и социального равновесия.

Гендер выполняет социальные функции, более не апеллируя к биологическому основанию пола. В выборе гендерной идентичности индивид руководствуется собственной выгодой в пределах существующей социальной ситуации. Мужское и женское становятся неразличимыми вследствие своей взаимозаменяемости, что приводит к универсализации гендерной идентичности (метросексуальность, унисекс). Гендерная идентификация на основе половой идентичности теряет какой-либо смысл, тем самым обнаруживая предел своего функционирования.

Семья как социальный институт пытается сохранить традиционную гендерную структуризацию, основанную на усвоении и репрезентации «правильного» гендерного поведения. Социальная дифференциация полов выводится из принципа трансценденции, где доминирующую роль играет Отец, воспроизводящий нормативную патриархатную систему ценностей. Ребенок структурирует свою половую идентичность через гендерную, которая усваивается в процессе социализации через гендерное поведение родителей. Индивид воспринимает социальную реальность через дискурсивные поля мужественности и женственности, сконструированным в детстве родителями, таким образом обращаясь к себе-ребенку, а не к полу. Если биологический пол носит аскриптивный характер, то гендерная идентичность – сконструированный.

Патриархатная социальная модель остается доминирующей и определяющей в предъявлении гендерной идентичности, поддерживающей ситуацию гендерной асимметрии, целью которой остается удержание современной социальной системы в гетеросексуальном «равновесии». Все внимание начинает концентрироваться на телесности и сексуальности, априори

отсылающих к биологическому принципу полового деления, где пол всегда задается как эссенциалистская категория.

Гендерный способ структурирования социальных идентичностей абсолютно индифферентен к процессу половой идентификации. Биологический пол на пределе своего существования перестает быть основанием существующих «половых различий», он становится основанием структурирования гендерезированной реальности. Категория пола как биологическая данность полностью «обнуляется», вследствие чего гендер продуцируется как пустой знак, свободно циркулирующий в пространстве социальной реальности. Категория гендера наполняется различным социальным содержанием в зависимости от характера доминирующих систем власти. Гендер в качестве социального конструкта более не способен выполнять смыслообразующую функцию социальной идентификации. Гендерная идентичность на пределе своего предъявления утрачивает субъективность и смысл. Возникает возможность конструирования индивидуальной идентичности в воображаемом пространстве дискурсивности, структурирующем субъективность как соблазн.

Таким образом, в итогах первой главы можно отметить, что в проанализированных натуралистических дискурсах пола предъявляются пределы смысла и субъективности, в которых он лишается собственной онтологической сущности. Ориентированность дискурса на эссенциалистский подход, в основу которого положено «естественное» различие между мужским и женским, отсылает к объективированным представлениям, обнаруживающим смысловые пределы субъективности.

Фаллоцентрический модус мышления продуцирует ряд социальных дискурсов пола, обращенных к биологическому дискурсу, в котором объективируется субъективность пола. Он отождествляется с сексом, как репродуктивной функцией человеческого производства. Секс маркирует пол в качестве биологической категории. Сексуальное производство интегрируется в

структуры производства социального. Пол как секс институционализируется и легитимируется в поле социальной реальности в структурах социобиологических дискурсов.

При полном отождествлении биологического и социального дискурсов, когда биологическое сводится к социальному и возникает дискурс постчеловеческого производства, исчезает необходимость в половой определенности, или каком бы то ни было различии мужского и женского, ввиду исчезновения репродуктивной функции индивидов. Эта функция присваивается социальным производством как технологическим процессом создания клонированных особей. Биологический дискурс на пределе смысла трансформируется в социальный, а пол как секс совершенно элиминируется. Пол, «лишенный» секса, задается в технологических моделях «постчеловеческого» производства, продуктом которого оказываются индивиды, «лишенные» идентичности в структурах пола как секса. Идентификация пола как секса «лишается» смысла. Пол становится «нулевым». Исчерпывает себя принцип понимания пола как секса, заданного в структурах дискурса производства.

Вместе с исчерпанием дискурса секса как социального производства подводится к пределу дискурс сексуальности, который нормировался дискурсом пола как секса. Легитимированная сексуальность определялась потребностями репродуктивного производства пола как секса. Ее избыточность была аномативной и табуированной, т.е. репрессировалась властными дискурсами. Вследствие подавления избыточной сексуальности, ее невозможно было рефлексировать легитимированным способом. Вся легитимированная сексуальность отождествлялась с институционализированным сексом, а табуированная изначально была не-дискурсивной, но затем обрела особый язык, характеризующий сексуальность в автономном дискурсе.

Поскольку определенность секса в структурах репродуктивности переносилась на определенность сексуальности, постольку сексуальность

идентифицировалась по принципу различности пола как секса. Сексуальность, как то, что всегда выходит за пределы репродуктивного производства пола как секса, оказывается избыточной по отношению к его целям и продуктам. Она всегда больше, чем секс, и детерминируется не столько объективными производственными процессами, сколько субъективным желанием, которое всегда принадлежит индивиду, т.е. всегда сохраняет субъективное и индивидуальное начало, способное к идентификации. Исходя из того, что направленность желания определяется различными объектами, идентификация сексуальности оказывается поливариативной и приводит к половой неопределенности.

Легитимированная сексуальность, неразличенная с сексом, при утрате смысла дискурса пола как секса, отождествляется с ним, возвращая ему функцию биологического производства. Институциональность легитимированной сексуальности задается понятием гетеросексуальности, как способа половой идентификации индивида через сексуальное различие как природной биологической данности. Пол оказывается продуктом функционирующей гетеросексуальности, возвращающей его в пространство биологического производства. Избыточная табуированная сексуальность предъясняется во множестве перверсивных форм своего субъективного выражения, лишая пол его гетеросексуального основания и определенности. Возникает пространство чистой субъективности, элиминирующей смысл объективированного пола в структурах биологического производства. Способ репродуктивного производства, отсылающий к сексуальности в качестве биологического основания, оказывается вновь дискредитированным. Нормирующая сексуальность оборачивается своей а-нормативной «девиантностью», снимающей различность по полу, и невозможностью его идентификации в пределах биологизированного сексуального дискурса, предельно объективированного в порнографическом дискурсе сексуального наслаждения.

Биологизированные дискурсы пола полностью исчерпываются потерей всяких смыслов функционирования пола как секса и пола как сексуальности. Индивид оказывается в состоянии половой неопределенности, ставящей под сомнение социальную идентичность. Пол, лишенный определяющих биологических дефиниций в процессе его объективации, полностью интегрируется в структуры социального и конструируется как социальный пол или гендер. Дискурс «биологического пола» на пределе трансформируется в дискурс «пола социального».

Гендер как социальный конструкт становится пределом полной объективации субъективного. Он интегрируется в системы социального производства по принципу биологического. Гендер как пол возвращается к натуралистическим дискурсивным парадигмам в качестве собственного основания на уровне эссенциалистской установки. Дихотомическая оппозиция «мужское - женское» в качестве различительной функции, лишенная смысла на пределе сексуального дискурса, становится основанием социального конструирования гендера. Категории мужского и женского начинают наполняться различным содержанием в соответствии с властными доминирующими политиками и стратегиями. Фаллоцентрический дискурс оказывается результатом функционирования социального гендерного конструирования.

Гендер, как означающее пола, предьявляет себя в дискурсивном пространстве знаковой реальности. Социальная субъективность объективируется в пространстве гендерной дискурсивности. Гендер изначально выполняет функцию объективации половой идентичности в качестве социальной. Гендеризированная реальность, направленная на сохранение социального производства, порождает «индивидов», лишенных какой-либо субъективности. Выполняя определенные социальные функции, они «о-безличены» в структуре производства. Лишенные субъективности, они становятся функциональной частью социальных систем производства.

Гендерный дискурс объективирует половое различие, снимая вообще какую-либо различность. Полная объективация пола в структурах социального является пределом гендерного дискурса. Бытие пола в точках предела социобиологических дискурсов лишает его онтологического смысла. Пол является «нулевым», лишенным как биологического так и социального содержания.

На пределе гендерной дискурсивности, структурирующей нормативную сексуальность в пределах секса, открывается пространство а-нормативной дискурсивности избыточных остатков сексуальности, превышающих потребности репродуктивного производства пола как секса. Возникает «плавающая» сексуальная идентичность, которая может переопределяться в дискурсивном пространстве и становится перформативной.

Глава II. Конструирование пола в структурах самоопределяющегося смысла

§1. Социальная субъективность в структурах грамматического пола

Современная социальная реальность предъявляет себя в структурах производства. Производится все: производство, его регистрация, распределение, ограничения, потребление и наслаждение. В основе сексуального производства, целью и назначением которого является продолжение человеческого рода в форме интенсивных количеств, находится сексуальность.

Процесс производства необходимо предполагает линейно - бинарный порядок, который имеет коннективную форму «и», «и еще»⁴⁷. Бинарный режим требует наличия двух противоположных полов – женского и мужского, участвующих в процессе деторождения. Нормативное сексуальное производство гетеросексуально. Пол является способом предъявления сексуального желания, направленного на противоположный объект бинарной оппозиции. Пол – точка перехода интенционального желания в пространство Реального. Однако существование индивида не ограничивается половыми актами, результатом которых является рождение ребенка. Как только индивид оказывается «выведенным» и исключенным из процесса производства, он отбрасывается и становится его остатком. В этой точке он теряет свою половую гомогенную идентичность.

Секс продуцирует «анти-производственную» сексуальность. Она начинает ограничивать сексуальное производство в качестве репродуктивного воспроизводства. Сексуальность предъявляет себя не только через нормативную производственную сексуальность, но и через избыточную сексуальность, представленную различными «девиантными» формами.

⁴⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 18

«Общество конструирует свой собственный бред»⁴⁸, настойчиво пытаюсь институализировать и вписать в нозологическое поле социальной реальности «нормативную» гетеросексуальность, одновременно отбрасывая и, тем самым, регистрируя объекты или продукты анти-нормативной сексуальности.

Возникает не-хватка половой определенности, начинающая продуцировать новое желание, объект которого должен вернуть индивида в состояние определенности и субъективности. Желание и его объект возвращают индивида к самому себе. Субъект в описанной ситуации оказывается «бродячим», «кочевым»⁴⁹ или «номадическим» субъектом.

Индивид в процессе сексуального производства непосредственно оказывается в ситуации предъявления собственного пола, или в ситуации половой идентификации. Сексуальность, представляющая собой циркулирующую энергию, интенцию желания, проходит через индивида и порождает желание, необходимое для вступления в процесс производства. Желание требует определенной направленности на определенный объект. Неизбежная множественность желаний в силу разнонаправленного взгляда включает индивида в бесконечный поток самоопределения, постоянно разрушая метастабильные состояния, через которые он проходит. Ж. Делез, анализируя способы самоструктурирования неопределенного потока желания, представляет, как пример, анализ шизофрении как неопределенности субъективности в случае судьи Шребера. «...Через них проходит судья Шребер, становящийся женщиной, становящийся множеством иных вещей, следуя по кругу вечного возвращения. Грудь на голом торсе президента не являются ни элементами бреда, ни элементами галлюцинаций, они в первую очередь обозначают ленту интенсивности, зону интенсивности на теле без органов»⁵⁰.

Пол - это способ предъявления индивида в поле социальной реальности,

⁴⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 26

⁴⁹ Там же, с. 50

⁵⁰ Там же, с. 38

способ его регистрации в биологических, экономических и социальных структурах производства. Биологическая регистрация является актом первичного распределения индивидов по признаку анатомического пола на биологические классы мужчин и женщин в дискурсивном нозологическом пространстве биологического и медицинского дискурсов, а также актом вхождения в поле социальной реальности, предъявляющей себя посредством языка или дискурсивных практик. По результатам «первого» отнесения индивида к биологическому полу происходит его «вхождение» в экономические и социальные структуры производства. Производство социального является производством языка. «Постмодернистская концепция утверждает, что реальность на самом деле — это своеобразный «лингвистический трюк» нашего сознания: то, что индивид воспринимает как реальность, на самом деле социально и лингвистически сконструировано»⁵¹. Индивид оказывается изначально вписанным в языковую реальность. Язык структурирует системы мышления и восприятие окружающего мира. Лингвистические означающие формируют как коллективные, так и индивидуальные ценности и способы поведения. Отношение индивида к существующей действительности опосредуется дискурсивными практиками.

Язык и пол оказываются в определенных взаимоотношениях; пол предъявляет и манифестирует себя через номинативные системы, лексику, синтаксис, грамматическую категорию рода. Производство языка является производством социального, поэтому языковая реальность тождественна социальной реальности, в которой половая и гендерная идентичности становятся продуктами языковых систем. Язык бесконечно производит и воспроизводит грамматические категории пола и гендера.

Пол является необходимым условием идентификации субъекта и точкой включенности индивида в социальную реальность. В ситуации «лишенности»

⁵¹ Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. – Харьков: ХЦГИ. – СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 1.

пола или его неопределенности индивид вообще «выбрасывается» за рамки социального дискурса. Абсолютно закономерным и понятным становится производство и укрепление фобии относительно представителей «третьего пола», которые, в свою очередь, вынуждены «скрываться» от других людей, постоянно играя роль «навязанного» аскриптивного пола. Проблема третьего пола заключается в нахождении и определении своего место-положения в гетеросексуализированном социальном пространстве. «Система считала этих людей отбросами общества, стимулировала отвращение к ним, подвергала репрессиям. Когда нужно было убить высокий моральный авторитет человека, неугодного властям, распускали слухи, что он педераст, - и это было равносильно публичной гражданской казни»⁵².

К «третьему полу» можно отнести как гермафродитов - индивидов с хромосомными аномалиями, которых невозможно по биологическим и психологическим характеристикам отнести ни к женскому, ни к мужскому полу (А. И. Белкин), так и представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, так и скопцов - кастратов, осознанно лишаящих себя первичных половых признаков. Самим своим фактом существования они нивелируют организующий принцип реальности неопределенным полом.

В контексте социальной неопределенности неслучайной оказалась «сексуальная революция» 70-десятых. Для того, чтобы объяснить причины ее возникновения, необходимо вернуться к Советской Социалистической революции семнадцатого года как к периоду радикальных социальных трансформаций, нарушающих традиционные социальные структуры и нормы, в том числе, и между полами. С приходом Советской власти начинается процесс унификации гендерных ролей и, как следствие, половых идентичностей. Социалистическая система производит новый социальный тип индивида среднего, или общего «грамматического рода». Интересно отметить, что

⁵² Белкин А.И. Третий пол Судьбы пасынков природы. М.: Олимп, 2000. С. 25

категория среднего грамматического рода отсутствует, например, во французском языке. «Товарищ», «солдат», «враг», «борец» - все эти существительные, формально относящиеся к мужскому грамматическому роду, относятся к индивидам как женского, так и мужского пола. Отнесенность как этих существительных, так и существительных, обозначающих профессии, социальное положение лиц обоих полов, к мужскому роду отражает исторически сложившееся дореволюционное неравенство полов. В новой социалистической реальности эти существительные, обозначаемые как существительные общего или среднего грамматического рода, вообще снимают какую-либо половую различенность. Не случайно когнитивная функция категории среднего грамматического рода заключается в обозначении не лица, а скорее вида, рода, класса. Все индивиды сливаются в «социалистической массе советского народа». Не случайно и то, что категория рода отсутствует в формах множественного числа. Грамматическая категория рода выполняет функцию характеристики отдельного лица, что естественно невозможно во множественном числе по аналогии «индивид - масса». Отсюда безличность индивида в массе трудового народа. Поддерживаемая гендерной социализацией половая дифференциация оказалась под угрозой. Индивид в социалистической системе производства более не различался по полу, являясь структурной единицей, лишенной половой идентичности. Произошло смешение гендерных ролей, спровоцировавшее явление «социального гермафродитизма». (Белкин). Явление «социального гермафродитизма» характерно и для современного общества производства и потребления. Тенденция к обезличиванию индивида отражается в существовании категории грамматического рода в языковых структурах. Например, в современном немецком языке имеется перевес грамматических явлений над семантикой одушевленных имен существительных, т.е. игнорирование естественно-половых различий живых существ, с одной стороны, и тенденция к нивелированию несоответствия между понятием их естественного пола и

грамматическим родом имен существительных, с другой стороны.⁵³

Таким образом, «сексуальная революция» является результатом процесса унификации и обезличивания индивида, потери им половой идентичности и, как следствие, социальной различности. «Сексуальная революция» открывает возможности само-пере-определения и предъявления индивидуальной половой и гендерной идентичности в структурах социальной реальности.

Унификация половой идентичности, предъявляющая себя как через формы биологического, так и «социального» гермафродитизма, является дезорганизующим фактором устойчивости социальных структур. Пере-структурирование социальных структур ведет к нарушению социального равновесия или к «отклонению» от него. Гермафродитизм функционирует как фактор де-нормирования социальных норм. Гермафродит оказывается в ситуации «лишенности» пола в его «избыточности». С одной стороны, он существует в состоянии «лишенности» как «ни то, ни другое» и в современных гетеросексуализированных обществах оказывается «выброшенным» в пространство маргинализированных сообществ. С другой стороны, он находится в состоянии избыточности – «и то, и другое». В традиционных обществах таких представителей человеческого рода отождествляли с богами, как самодостаточными и гармоничными существами.

В семье «биологический» гермафродит задается как «ребенок», существо среднего рода, т.е. он обладает предельной степенью общности существования, или существует как персонифицированная категория общности; то же самое можно сказать об «индивиде», лишенном индивидуальности и представляющим общество в целом. Родители, как представители и носители социальности и ее норм, выполняют функцию первичного социального конструирования половой идентичности. Анормативность гермафродита,

⁵³ Нещеретова Тамара Теучежевна «Сопоставительная типология грамматической категории рода в русском и немецком языках». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Майкоп, 2006.

выведенная за пределы понятия «норма», предъявляет себя как аномичность или анонимность, не-названность, не-поименованность. Присвоение пола происходит посредством именованности. В обществах, где явление гермафродитизма считается нормой, имя ребенку присваивается спустя несколько лет по результатам наблюдения за его поведением и проявлением его индивидуальных качеств, наиболее присущих женскому или мужскому гендерному типу. Возможно, с этим явлением связана амбивалентность грамматического рода в таких именах как Валя, Саша, Женя и т.д. Таким образом, регистрация индивида в социальных структурах фиксируется и закрепляется в структурах языка. Идентификация пола продолжает осуществляться по лексическому признаку. Можно говорить о возникновении и функционировании грамматического пола как условия половой идентификации.

Известно, что грамматическая категория пола соотносится с объективной реальностью и является средством выражения в языке факта существования в реальном мире двух родовых классов, выделяемых на основе признака принадлежности к мужскому или женскому полу. Как показывает исторический анализ многих языков, возникновение грамматического пола стало следствием процесса поименования людей, поэтому грамматический пол приобретает когнитивный характер, который выражается через оппозицию имен, обозначающих мужские и женские особи существ одного вида.

Категория грамматического пола призвана отражать и устанавливать определенные отношения между вещами, или производить различия между ними. Грамматический пол служит для выражения полового различия. Именно язык продолжает удерживать половую различность традиционными морфологическими и грамматическими средствами. В ситуации сложившейся половой не-различности и не-возможности апеллировать к биологическому полу, язык начинает продуцировать «новую» половую дифференциацию. Например, возможность дифференциации возникает путем добавления к наименованию признака «женщина»: женщина-врач, женщина-политик,

женщина-инженер и т.д. Языковая ситуация провоцирует социальные изменения, выразившиеся в явлении «сексуальной революции», возвращающей социальную систему в устойчивое гетерогенное равновесие.

Лингвистические теории предлагают две главные теории грамматического рода: морфологическую (или формальную, или согласованную) и естественную (или сексуальную, когнитивную, семантическую, антропологическую, семантико-этимологическую и т.д.) Нельзя отрицать, что грамматический род связан с биологическим полом, однако в некоторых языках категория грамматического рода вообще отсутствует. Но даже при отсутствии в языке грамматического рода в нем, так или иначе, проявляется универсальная категория пола, например, через синтаксическое согласование. Полу приписывается статус функционально-семантической категории или функционально-семантического поля, как считает Н.Я. Немировский.

С помощью языка индивиды позиционируются в социальном пространстве. Посредством речи происходит процесс половой идентификации. Каждый индивид предьявляет себя либо как мужчину, либо как женщину. Язык, вплоть до норм произношения, является маркером половой идентичности, а, следовательно, и половой дифференциации. Например, если кто-то в племени гросс вентр (Gros Ventre) употребляет неправильную форму в произношении, то старшие члены племени считают такого человека двуполым⁵⁴. Речь является первичным идентификатором пола. Взрослым экспертам было предложено определить пол ребенка по речи. Эксперты ошиблись только в случае с девочками из рабочего класса и мальчиками, принадлежащими среднему классу. Речь девочек звучала как речь мальчиков из среднего класса, потому что девочки повторяют вариант «женской» нормативной речи, а мальчики из среднего класса стремились к «грубому мужскому» языку, что позволяло им

⁵⁴ Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык// Гендер и язык/ Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005.С. 75

идентифицировать себя со своим мужским полом. Данный эксперимент доказывает, что для индивида определение половой идентичности оказывается первичным и доминирующим. Социальная идентификация по отношению к половой вторична.

Индивид конструирует собственную гендерную идентичность прежде всего на уровне языка. Языковая гендерная идентичность непосредственно отсылает к биологическому аскриптивному полу. Несмотря на то, что современные лингвисты выделяют термин гендерной нейтральности, или *undoing gender*, присущей коммуникативной ситуации, где пол коммуникантов не значим, индивид сохраняет фиксацию собственного пола в речи. Пол индивида присутствует в его сознании, предьявляя себя через языковые грамматические формы. Если индивид теряет ощущение собственного пола (ситуация перемены пола у гермафродита), его языковые структуры начинают разрушаться. Возникает гендерная дисфория, или расстройство гендерной идентичности, т.е. человек не может принять свой существующий или вновь обретенный в результате операции по перемене пола, гендерный статус мужчины или женщины и испытывает острую неудовлетворенность им.

Гендерная дисфория наблюдается в нарушении грамматических связей, что влечет за собой психические расстройства, вплоть до деперсонализации, полной потери своего «я» и места в обществе. Это относится к людям, перенесшим операцию по смене пола. «Труднее всего оказалось с речью. Вот уже никогда бы не подумала! Говорить, как я привыкла - "взяла, пошла, видела" - здесь было нельзя. А "взял, пошел, увидел" никак не выговаривалось, возникала какая-то необъяснимая неловкость. Само собой выработалось какое-то странное наречие, без личных окончаний. Допустим на вопрос, читала ли я такую-то книгу, начинала отвечать: "да, чита..." - а далее язык сам нащупывал безличную форму: "...читать приходилось". Вот если бы мне раньше нужно было сыграть мужскую роль в какой-нибудь сценке, я бы сделала все на высшем уровне, нигде даже не запнулась. А, сейчас, когда я не играла роль

мужчины, а старалась им стать, возник такой неожиданный тормоз. Даже мои письма того периода - все они написаны на таком нейтральном языке. И подписаны - Женя. Не Евгения. Но и не Евгений. Когда в отделении кричали: "мужчины, на обед" или "мужчины, пить лекарства", меня всякий раз передергивало. Я - мужчина?!»⁵⁵

Лингвистические исследования доказывают постоянство половой дифференциации в речи. Там, где оказывается альтернатива, женщины и мужчины всегда отдают предпочтение разным вариантам. Более того, это происходит совершенно осознанно и «намеренно». Женщины в подавляющем своем большинстве стремятся в речи к нормам литературного языка, мужчины намеренно употребляют ненормативные разговорные формы, придающие им «скрытый престиж» и подчеркивающие их принадлежность мужской субкультуре. Женская речь отлична от мужской большим употреблением вопросов, направленных на поддержание диалогов. Женщины продолжают беседу, поддерживая тему, заданную собеседником, мужчины перескакивают с одной темы на другую, порой игнорируя интересы второго участника общения. Женщины предъявляют сотрудничающий стиль общения, мужчины – соревновательный. Социальная и языковая структуры общества могут изменяться во времени, но мужские и женские роли определенным образом разграничены во всех известных человеческих сообществах.

Многие лингвистические исследования задавались целью определить, кто первый – мужчины или женщины – вводит языковые инновации. Оказалось, что эти данные относительны и постоянно претерпевают изменения. Если женщины вводят новые престижные языковые формы, то мужчины будут «обязательно» от них уклоняться и наоборот. Если мужчины будут предлагать современные языковые формы, женщины поведут себя консервативно и будут сохранять устаревшие нормы языка. Это объясняется все тем же тяготением к

⁵⁵ Белкин А.И. Третий пол. Судьбы пасынков Природы. М., Олимп, 2000. – 432 с.

половой различности. Пол постоянно, независимо от развития языка в синхронии или диахронии, будет производить различность на языковом уровне.

В связи с процессом феминизации общества и распространением идей равенства полов в профессиональной и социальной сферах все чаще отсутствует референция к полу в именах существительных мужского рода, обозначающих профессии. Доминирование признака мужского пола нейтрализуется посредством местоимения женского рода «она». «Она житель Петербурга», «она сотрудник газеты», «она талантливый дизайнер» и т.д. При необходимости указания на женский пол лица, занятого определенной профессиональной деятельностью, функцию выражения признака женского пола берет на себя окончание женского рода глагола-сказуемого: врач пришла, молодой ученый работала над диссертацией и т.д. В немецком языке появился так называемый «суффикс феминизации -in», с помощью которого образуются имена женского рода от соответствующих наименований в форме мужского рода, обозначающих профессию, например *Korrespondent+in= Korrespondentin*.⁵⁶

Воздействие экстрасистемных факторов на грамматический род продолжается на протяжении всего периода существования данной категории в том или ином языке; оно проявляется в многочисленных изменениях в семантической структуре рода в результате присоединения к ней новых семантических противопоставлений, выражаемых родовыми формами. «Благодаря наличию в немецком языке значительного числа одушевленных существительных среднего рода появилась тенденция смягчения несоответствия между понятиями естественного пола и грамматического рода таких слов, как: *das Fräulein* «девушка», *das Mädchen* «девочка», *das Weib* «женщина». При замене их личными местоимениями преобладают формы третьего лица женского рода, соответствующие понятию женского пола,

⁵⁶ Нещеретова Тамара Теучежевна «Сопоставительная типология грамматической категории рода в русском и немецком языках». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Майкоп, 2006.

например: *Sie weint, das arme Mädchen.* «Она плачет, бедная девочка».⁵⁷

Несмотря на возвращающиеся и вновь возникающие тенденции гендерной унификации язык, вступая в противоречие с формальными грамматическими правилами, продолжает продуцировать половую различность и выполнять когнитивную функцию, удерживая социальную систему в равновесии.

Ребенок усваивает языковое поведение согласно приписываемому ему полу. Знание грамматики, фонологии и лексики не делает ребенка компетентным в социальном пространстве. Он овладевает не только формальными правилами языка, но и правилами его уместного ситуативного использования. Дети, усваивая лингвистическое поведение согласно своему полу, закрепляют социальный порядок, конструирующий гендерную идентичность. Посредством речи ребенок создает собственную гендерную идентичность. Процесс становления гендерной идентичности непосредственно связан с социализацией в пространстве «гендерных субкультур» (Гамперц, Мальц, Боркер, Таннен). Дети овладевают коммуникативной компетенцией согласно своему биологическому полу, постепенно усваивая каноны общения взрослых. Как отмечает Дж. Коатс, процесс гендерной социализации ребенка происходит четырьмя способами: посредством эксплицитного объяснения языкового поведения (нецензурная лексика, табу, разговорчивость, вежливость), посредством предъявления языковых моделей идентификации, посредством выстраивания коммуникаций разными способами, посредством ожиданий определенного языкового поведения под воздействием социальных стереотипов. Общество корректирует языковое сознание индивида, дифференцируя в языке социальное положение полов. Оно изначально предписывает доминирование мужских патриархальных ценностей, где женщина представлена всегда слабым полом. Социальная стереотипизация влияет не только на существование

⁵⁷Нещеретова Тамара Теучежевна «Сопоставительная типология грамматической категории рода в русском и немецком языках». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Майкоп, 2006.

грамматической категории рода, но и на коллокационную способность признаков рода сочетаться друг с другом. Например, в английском языке существует выражение *family man*, характеризующее мужчину с необычным поведением, отклоняющимся от общепризнанной морали и нормы.

Языковые гендерные нормы, усваиваемые в детском возрасте, закрепляются в женском или мужском варианте языка, обусловленным биологическим полом, или в гендерлекте. Гендерлект продуцирует социальную стратификацию речи и поддерживает андроцентричную языковую систему, основанием которой являются мужские и женские субкультуры с обязательным доминированием первых. Например, женская субкультура должна воспроизводить идеально-типичный стереотип среднестатистической женщины, язык которой касается типично «женской» сферы интересов: домашнего хозяйства, воспитания детей, моды, партнерских взаимоотношений. Изначально женский язык характеризовался как «язык слабых», ассоциирующийся с негативными оценками, и употреблялся как женщинами, так и другими маргинальными группами. Традиционная лингвистика трактовала превосходство мужского языка как «естественный порядок», отсылающий к доминирующей фаллоцентрической системе ценностей, поддерживающей существующие структуры власти. Сторонники интенционализма утверждают, что мужчины осознанно продуцируют свои доминирующие позиции посредством речевого поведения – длины речевых отрезков, способа говорения, контроля за общением. Более того, мужские языковые структуры институционально закрепляются и постоянно воспроизводятся социальными системами школы, церкви, армии, и т.п.

Андроцентризм языка выражается в гендерной асимметрии в языке, то есть в неравномерной представленности лиц разного пола. Язык в системе андроцентризма фиксирует картину мира с мужской точки зрения от лица мужского субъекта, где женское предстает в роли объекта, или в роли Другого-Чужого, или вообще игнорируется. Доминирование мужского в языковых

структурах выражается, например, в отождествлении понятий человек и мужчина. Имена существительные в аспекте словообразования чаще всего являются производными от мужских. Существительные мужского рода могут применяться к любым референтам – лицам любого пола, но номинация мужчины женским обозначением всегда несет в себе негативную оценку. Особенно ярко отрицательные качества образу женщины приписываются во фразеологии. Образ женщины в «мужском» языке, функционирующем в патриархатных обществах, снабжен негативными коннотациями и характеристиками. Можно говорить о том, что существует некий механизм «включенности» в мужской грамматический род. Женщина в этом случае как бы игнорируется. Феминистская критика языка исследует дискриминацию образа женщины в языковой картине мира и языковые ассиметрии или языковой сексизм, направленные против женщин.

Возникновение «феминистской лингвистики» не случайно. Язык патриархатного дискурса снимает различенность между полами. «Женский язык» существовал в качестве девиантного варианта языка или «языка слабых». Современные системы производства вообще снимают и нейтрализуют половую различенность, которая на языковом уровне принимает форму среднего или общего грамматического рода. Дискриминация и игнорирование женского проявляется также и в коммуникативных ситуациях. С. Мак-Коннел – Джинет показала, что лингвистические значения фильтруются через патриархатные ценности и культурные установки. «Если женщина говорит *нет* на сексуальные домогательства партнера, то на самом деле это означает *да*. А говорит она *нет* только для того, чтобы проявить застенчивость и кокетство, и тем самым продемонстрировать свою якобы недоступность»⁵⁸. Именно феминистский постмодерн, или феминистский постструктурализм начинает продуцировать женскую субъективность посредством актуализации «женского языка».

⁵⁸ Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. – Харьков: ХЦГИ. – СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 1.

Возникающая раз-личенность через предъявление «женского» начинает определять все существующие властные доминантные структуры патриархального дискурса. В границах социального определения происходит процесс вопрошания по поводу собственной идентичности. Начинается процесс пере-определения идентичностей индивидов и их движение к субъективации в поле социальной реальности.

Вновь осознаваемая женская субъективность необходимо ищет способ собственного предъявления через языковые структуры, формирующие социальную реальность. «Феминистская лингвистика» позволяет женщине рефлексировать по поводу собственного существования и выражать себя на своем собственном языке. Возникает новый женский дискурс. Неслучайно Р. Лакофф отмечает, что речевое поведение женщины, включенное в мужской дискурс, или использующее «мужские» речевые тактики, приводит к коммуникационным неудачам. Такая женщина воспринимается как неженственная, наглая, феминистка. Начинается сознательное нормирование языка в некоторых прикладных областях, в том числе в политическом дискурсе.

Степень функциональности андроцентризма в языковом континууме зависит от социальной и культурной специфики общества. Изменения происходят как на грамматическом уровне языка (процесс «феминизации» языка), так и на социолингвистическом уровне коммуникаций. В процессе современных коммуникаций женщины применяют стратегию ассимиляции с доминирующей группой, или мужчинами. «В созданном мужчинами языке Вас видят мужскими глазами или отчуждают, или Вы становитесь невидимкой. И у Вас есть два пути — или стать двуязычной, или пойти на семинар, где Вас обучают мужским речевым тактикам и стратегиям вербального поведения».⁵⁹ А. Дворкин и М. Дели сравнивают мужской язык с китайскими колодками для женщин, которые более тысячи лет мучили их и не давали им развиваться

⁵⁹ Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. – Харьков: ХЦГИ. – СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 1.

свободно.

Стратегия ассимиляции выражается в использовании более низкой тональности голоса, употреблении бранной и табуированной лексики, а также нисходящей интонации в речи, в заимствовании напористой, самоуверенной манеры общения, в учащении нелитературного произношения и, наконец, в активном участии женщин в беседах на типично мужские темы: бизнес, политика, экономика⁶⁰. Происходит ассимиляция мужского языка; язык приобретает социальные характеристики и начинает апеллировать не к полу индивида, а к его социальному статусу. Принятие норм доминирующей группы снимает оппозицию «язык сильных – язык слабых». Половая различенность в этом случае исчезает.

Несмотря на принадлежность к двум «разным языковым культурам» дети в процессе усвоения языка овладевают как «первым», так и «вторым» вариантом. Можно сказать, что взрослые обладают общими знаниями о коммуникации. Определяющим фактором в речевых актах и текстах становится контекст. Соответственно, гендерлект оказывается категорией, не заданной изначально, а имеет ярко выраженный характер конструкта. В связи с этим разное речевое поведение в разных культурах трактуется по-разному, например, болтливость будет оцениваться в одних культурах низко, а в других высоко. Задачей гендерлекта является конструирование и подтверждение гендерной идентичности на вербальном уровне.

В ходе современной коммуникации индивид обнаруживает различное речевое поведение, которое обозначено понятием «переключение кода». Процесс «переключения кода» был бы не возможен, если бы индивид имел одну-единственную идентичность. Это языковое явление смены индивидуального языкового стиля доказывает, что индивид обладает подвижной множественной идентичностью. Он способен сочетать

⁶⁰ Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык// Гендер и язык/ Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005.С. 42

многочисленные, отличные друг от друга системы дискурсивных практик, которые в свою очередь открывают возможность вхождения индивида в различные социальные институциональные структуры и занимать соответствующие статусные позиции в социальной иерархии. Язык конституированного социума и язык индивида, занимающего свою позицию в нем, всегда будут совпадать, иначе человек окажется выброшенным за рамки «социального». Индивид вынужден постоянно подтверждать свою принятую социальную идентичность, которая в свою очередь всегда будет апеллировать к половой. С. А. Ушакин в статье «Культура пола» приводит пример из французского законодательства XVI-XVII вв., посвященного анатомическим гермафродитам. За выбор половой идентичности несли непосредственную ответственность сами гермафродиты. Самое главное для институтов власти было соблюдение им/ей правил, присущих выбранной модели гендерного поведения.

В структурах власти категория пола трансформируется и объективируется в категории гендера. В процессе гендеризации индивида в структурах социальной реальности пол функционирует как биологический маркер половой принадлежности индивида к мужскому или женскому виду. В этом контексте пол лишается своей онтологической сущности будучи включенным и вписанным в натуралистические парадигмы. Гендер функционирует посредством традиционных усвоенных и закрепленных социальных моделей поведения и предъявления половой анатомической идентичности. Гендер и язык взаимно конструируют друг друга. Объективация половой идентичности происходит в языковых структурах гендерлекта. Субъективность индивида оказывается конституированной в структурах доминирующих властных режимов и практик. Гендер и гендерлект вменяют индивиду определенные стили его предъявления в социализированном пространстве. Происходит процесс социальной унификации и полной объективации индивида. Индивид среди прочих индивидов теряет свою

уникальность, субъективность и половую идентичность. Полностью вписанный в структуры власти, он становится не раз-личим.

В ситуации не-различности язык и социальная реальность начинают продуцировать новые формы раз-личности. Более того, язык на уровне лингвистики всегда ее сохраняет. Функцию различения выполняет категория пола, выраженная грамматическим родом. Грамматический пол продуцирует субъективность, постоянно возвращая к ней индивида. Он предъявляет себя в коммуникативном пространстве, ухватывая формы субъективности в настоящем и прошедшем времени. Каждый из участников коммуникативного процесса вынужден постоянно обращаться к своей половой идентичности, предъявляя себя в качестве субъекта в процессе актуализации раз-личности с Другим участником общения. Субъект в состоянии рефлексии определяет и пере-определяет свою социальную идентичность, предъявленную в бесконечном множестве вариантов. Пол возвращает себе онтологический статус.

Итак, индивид предъявляет свою социальную идентичность посредством актуализации сексуального желания, направленного на объект желания, через процесс конструирования половой идентичности в структурах языка. Вхождение индивида в структуры социальной реальности и его регистрация осуществляется посредством дискурсивных практик. Половая и гендерная идентичности становятся продуктами языковых систем.

Поскольку языковая реальность тождественна социальной, постольку грамматическая структура предъявляет структуру социальности. Порядок дискурсивности определяет порядки производства социального как в экономических, так и в репродуктивных процессах. Все, что не относится к бинарной логике пола, будет выбрасываться как за границы социальных, так и языковых структур. Существование «третьего пола» нивелирует способ социальной организации неопределенным полом, поэтому индивид, относящийся к «третьему полу», вынужден всегда принимать на себя

гетеросексуальную мужскую или женскую идентичность.

Гендер как символический знаковый конструкт определяет собственное языковое содержание в структурах властного дискурса. Если социальная система производит унифицированного индивида экономического производства, индифферентного к половой идентичности, то язык продуцирует категорию среднего грамматического рода, множественного числа, игнорирующего естественно-половые различия между живыми существами. Закрепление смешанности гендерных ролей в языковых структурах привело к возникновению «социального гермафродитизма», то есть к нивелированию половых различий в структуре гендерной идентичности. Возникла социальная не-раз-личенность индивидов в системе экономического производства. В гендере средний род нивелирует раз-личенность половой идентичности в языке социального. Смысл пола как гендера в языке социального приводится к пределу.

Невозможность языкового самовыражения в структурах среднего рода, предлагаемых в языке социального пола, порождает ситуацию коммуникативного замешательства, которая провоцирует появление вопроса о самоидентификации коммуниканта. Условием успешной коммуникации оказывается предварительная половая самоидентификация. Проблема половой идентификации в коммуникативном пространстве социального трансформируется в проблему определенности грамматического пола. В социальной коммуникации грамматический пол маркирует половую идентичность. Поскольку индивид всегда сохраняет и фиксирует свою половую принадлежность в речи, постольку утрата индивидом ощущения принадлежности к определенному полу приводит не только к разрушению коммуникативных языковых структур, но и к потере как гендерной, так и социальной идентичности. Ввиду того, что производство половой дифференциации в речи происходит непрерывно, пол в языке оказывается перформативным. Гендерлект, как перформативный пол, продуцирует половую

определенность индивидов в каждый момент времени в поле коммуникативности.

Андроцентричная языковая система с доминирующим мужским гендерлектом производится гендерной унификацией. В гендерлекте мужской грамматический род без-раз-лично идентифицирует индивидов как универсальный способ представления в коммуникативном пространстве. Попытка женского проговориться на «мужском» языке заканчивается коммуникативной неудачей. Женское теряет голос в коммуникативном поле социального. С одной стороны, «отсутствие» женского в структурах гендерлекта исключает половое раз-личие индивидов в языке, обнаруживая неопределенность в не-раз-личности мужской тотальности. С другой стороны, не-хватка женского как лакуна в тотальной не-различности мужского становится условием структурирования смыслов как мужского, так и женского. Вновь осознаваемая необходимость самопредъявления женской субъективности задает пределы гендерлекта, определенного в структурах мужской субъективности. Саморефлексия гендерлекта как мужской субъективности может предъявляться только через свое «иное», т.е. в структурах женской субъективности. Происходит со-бытие социальной субъективности, предъявляемое как переход от мужской к женской субъективности. Социолект переструктурируется в языке гендерлекта, осваиваясь не только в структурах объективированного мужского, но и саморефлексирующего женского языка. Социальная субъективность изменяется, переходя от структур экономической мужской дискурсивности к структурам женской коммуникативности. Актуализация женского языка приводит к трансформациям как на грамматическом, так и на коммуникативном уровне социального, переводя социальную реальность с экономического уровня организации на коммуникативный.

Индивид в коммуникативном пространстве позиционируется в структурах перформативного грамматического пола, обнаруживая свою

социальную идентичность на пределе гендерной. В грамматическом поле выполняется идентификация индивида через наделение именем как условием вхождения в пространство коммуникативности. Самопредъявление половой идентичности в структурах грамматического пола актуализируется на уровне саморефлексии социальной субъективности, где осуществляется саморазличение и самоопределение субъективности в структурах половой определенности. Языковые структуры удерживают произведенную половую различенность традиционно сложившимися морфологическими и грамматическими средствами. Индивид предъявляет мужскую идентичность в объективирующем дискурсе гендерлекта и самоидентифицируется как женский социальный субъект в саморефлексирующем коммуникативном дискурсе.

§2. Производство субъективности в структурах сексуальности

Согласно философской концепции Д. Батлер, сексуальность является продуктом и эффектом социодискурсивного режима власти, однако, как отмечает Э. Гросс, сексуальность все же остается «морфологией тел» и имеет природу желания, которая не редуцируется ни в какие объяснительные схемы и не апеллирует к структурам власти. Возникают различные аспекты идентификации, которые открывают пространство возможностей для разных уровней сексуальной идентичности.

Сексуальность, по мнению Ж. Бодрийяра, является условием биологического производства. Подчинение сексуальности принципу производства было бы полным, если бы секс исключал наслаждение, порождающее пролонгированное желание, которое выходит за пределы необходимой потребности в продолжении рода. Тело индивида, как «место»-положение наслаждения, является индивидуализированным «телом сексуальности», но оно, как инструмент секса и «место»-положение репродуктивного производства, оказывается «телом производства» или «телом социальности». Избыточность чувственного наслаждения сопровождает репродуктивность нормативного секса и определяет несовпадение «тела сексуальности» и «тела социальности». Тело индивида децентрируется в не-совпадении «место»-положений производства и наслаждения. Возникает онтологический разрыв, лакуна, между топосами тел.

«Тело сексуальности» через непосредственность чувственности переживается как свое собственное «место» наслаждения. «Тело социальности» элиминируется за границы непосредственного переживания и оказывается трансцендированным. Поскольку чувствование тела способно знать только само себя, постольку индивидуальное тело не может стать трансцендированным. Индивид, пытаясь подчинить свое тело нормативному идеалу, постоянно обнаруживает себя не вписывающимся в его границы. В

диспозиции «мест» тело определяется через отношение а-нормативной индивидуальной сексуальности к нормированности секса. Не-хватка индивидуальной целостности не позволяет индивиду самоконституироваться и самоидентифицироваться в автономности собственного бытия. Бытие индивидуального тела самопредъявляется как несовпадение экзистенциального и социального. Оно преодолевает разорванность, продуцируя структуры объективности и телесной субъективности.

Индивид может определяться как в структурах избыточности, так и в структурах не-хватки. С одной стороны, нормативность, где задаются пределы социального, всегда предполагает наличие несоциализованного остатка. На уровне телесном он всегда ощущает пределы «тела социальности» как избыточность или не-нормативность собственной сексуальности. Ее «рассеченность» переживается как разрыв, который деструктурирует тело.

С другой стороны, поскольку экзистенциальное стремление к сохранению собственной целостности всегда избыточно, постольку «я» всегда недостаточно по отношению к трансцендентному началу. Телесное бытие индивида бесконечно подвергается опасности «рассечения» и утраты целостности. Она ассоциируется с экспроприацией социального «остатка», объективированного в представлении о произведенных вещах. Индивид понимает потребление и исчезновение вещей как собственное жертвоприношение, которое как форма самостириания социально обусловлено. Отвергаемое «я» осознается как телесное «я». Возникает экскреторная идентичность, которая продуцирует необходимость отречения от тела ритуально или символически.

Стремление дополнить себя до целостности проявляется в поиске такого объекта, который бы наиболее точно совпадал с границами топологического разрыва. Децентрированность бытия или дистопичность маркируется в направленности на объект желания.

«Целостность» субъективности структурируется желанием обладать

объектом желания. Структура желания может сохраниться только при условии бесконечной, постоянно воспроизводимой циркуляции влечения. Желание не может стремиться к полному своему удовлетворению, в этом случае наступает состояние полной исчерпанности. Предельная задача желания - воспроизвести себя вновь как желание, продолжить свое циркулярное движение, свой путь от цели к цели. «Действительный источник удовольствия – это бесконечное движение по этому замкнутому кругу»⁶¹.

Желание функционирует и предъясняется в неудовлетворенной потребности, которая не может быть до конца реализованной, иначе желание исчезнет. Не успев реализоваться, она должна произвести новую потребность, поддерживая порядок воспроизводства наслаждения. Потребности бесконечно воспроизводятся и начинают существовать автономно, более не нуждаясь ни в субъекте желания, ни в его объекте.

Производство наслаждения превращается в промышленную эксплуатацию тел. Наслаждение становится бессубъектным и начинает существовать как объективированная вещь. С одной стороны, объект желания, лишенный субъективности, как вещь среди других вещей, может подвергаться различным воздействиям, направленным на него. С другой стороны, объект как вещь, конечен и имеет свои пределы, за которыми наслаждение заканчивается.

Чем больше владеешь объектом, тем больше его не хватает. Всегда существует разрыв между объектом желания и посредствующим элементом, делающим данный объект желанным. В результате возникает наслаждение, оно не рефлексивно.

Дальнейшее производство наслаждения возможно только за пределами вещности, природности, либо в перверсивных формах сексуальности, либо в структурах симулятивности, где желание и сексуальность функционируют в виде сексуальных символов, циркулирующих в пространстве гиперреальности наслаждения.

⁶¹ Жижек С. Глядя вкось. Введение в психоанализ Лакана через массовую культуру.

В объективированном социальном пространстве автономизированных потребностей, где производство существует ради производства, различенность между субъектом и объектом снимается. Поскольку половая идентичность маркируется объектом желания, постольку индивид, лишенный полноты определенности «пустого» объекта своего желания в не-различности самого желания, утрачивает определенность пола и становится не-различим.

Современный индивид оказался перед лицом онтологической проблемы – создания того Начала, которое определяло бы его сексуальную идентичность. Пол становится нулевым. Объект превращается в «блуждающий элемент» (Жижек). «Возможно, половые различия - это...своеобразное установление нулевого типа социального расщепления человечества, натурализованное минимальное нулевое различие...которое сигнализирует о различии как таковом?»⁶² Половые различия не означают никаких биологических оппозиций. Это только символическая оппозиция, не имеющая основания в реальности.

На пределе объект желания становится невозможным и непредставимым. Он исчезает, достигнув крайней границы репрезентации, а вместе с ним утрачивается и желание этого объекта. Вместе с реальным элиминируется и символическое.

Исчерпанность символического выражается в нулевом уровне объекта. Нулевая ступень требует наполнения для продолжения существования, иначе индивид сталкивается «лицом к лицу» с объектом, превращающимся в пустоту. При встрече с ним, взгляд, направленный на объект, начинает обращаться внутрь себя самого. Основой прибавочного наслаждения становится избыточность не-хватки. Бегство от избытка порождает собственный избыток, в основании которого лежит наслаждение, получаемое от запрета на потребление объекта или владение им.

С одной стороны, наслаждающееся «тело сексуальности» индивида

⁶² Жижек С. Хрупкий абсолют, или почему стоит бороться за христианское наследие. М., «Художественный журнал», 2003. С. 121

ограничивается «производственным социальным телом секса». С другой стороны, через границу оно определяется, обнаруживая избыточность как полноту собственного наслаждения. Запрещенные императивы «включают» сексуальность, которой они препятствуют. В них воспроизводится избыточность желания. Запрет как отторжение удваивает желание. Он не только продуцирует, но и пролиферирует область запрещенного. Социальные запреты поддерживают телесную активность, которую они стремятся обуздать. «Тело сексуальности», как «тело желания», сохраняется и воспроизводится в акте подавления и сопротивления.

Сопrotивляющееся желание противостоит нормализующим дискурсам. Обращенное на себя, оно самоопределяется в субъективности. Субъективность, производимая телесностью, существует как осознание собственной инаковости через структуры запрета, ограничивающего аномативность избыточной сексуальности посредством конституированной половой идентичности, где в идеале индивид должен стать «самосогласованным субъектом»⁶³. «Только удерживаясь в инаковости, человек удерживается в «собственном» бытии»⁶⁴. Желание преобразуется в замкнутую цепь саморефлексии, а индивид, сопротивляясь запрету, осознает себя в структурах патологичности, социальной а-нормативности. Возникающая различенность начинает продуцировать идентификацию субъекта.

Процесс половой идентификации связан непосредственно с дискурсом желания. Артикулированный объект желания отсылает нас к собственной сексуальной идентичности. Как только индивид оказывается в точке вопрошания по поводу сексуальной идентичности другого индивида, он тут же теряет определенность собственной сексуальной идентичности. Как только говорящий индивид оказывается в процессе поименования Другого, он сразу же обнаруживает свою собственную сексуальную идентичность. Он либо

⁶³ Батлер Д. Психика власти: теория субъекции. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. – 2002. С. 76

⁶⁴ Там же, с. 36

исключает себя из этих отношений, тем самым определяя собственную как противоположную идентичность, либо, намекая на свою причастность, указывает на тождественность собственной идентичности с идентичностью Другого.

Индивид субъективируется в акте поименования или озвучивания имени объекта желания. Объект оборачивается на призыв. В акте оборачивания происходит идентификация зовущего и своя собственная. Объект интроецируется, и эта интроекция становится условием возможности субъекта. Внешнее становится внутренним, объект утрачивается. Невозвратимость этого объекта является постоянной угрозой самосогласованности субъекта. Возникает конститутивная не-хватка идеального Реального, которая становится условием субъективации.

Субъективность претерпевает фундаментальную трансформацию. Чтобы остаться самим собой, необходимо прервать привязанность к объекту. Утрата для эго становится конститутивной, так как отводится не только утраченный объект, но и конфигурация всего социального мира. Утраченный объект тождественен утраченному идеалу. Потерянный объект сменяется идентификацией, где идентификация становится психической формой сохранения объекта. Объект структурирует эго как объект психики. Утраченный объект обретает статус идентификации. Происходит осознание собственной инаковости через Другого. Этот процесс Д. Батлер вслед за Фрейдом называет меланхолической инкорпорацией.

Взаимоотношения индивидов, таким образом, всегда вписаны в «объективные» социальные отношения. Индивид в этом случае более не включен в конкретную ситуацию, он предъявляет себя на уровне абстракции или символического. Другой становится носителем абстрактной социальной функции.

Современный индивид, находясь в ситуации фундаментального безразличия, вытесняет внутренние эмоции и желания. Вытесненное желание

начинает «овеществляться» и, как следствие, «превращаться в область калькулируемых удовольствий»⁶⁵. Избыточность социального предьявляется через непристойный остаток – вторжение в частную личную жизнь Другого. «Скандал заключается в том, что больше нет никакого скандала»⁶⁶. Возникает переизбыток желания, который бесконечно воспроизводится.

Обнаружение скрытой, не-идентифицированной сексуальной направленности предьявляется через объект желания как «объект предпочтения»⁶⁷, определяющего сексуальную ориентацию. «Предпочитаемый объект» оказывается основанием для классификации человеческих индивидов по видам сексуальных предпочтений. Идентификация пола в структурах знания осуществляется через границу пола с другим полом или с тем, что задает «иной» пол как точку определения.

Любая социальная система, отсылающая к бинарным конструкциям, всегда содержит внутри себя топос «чулана». «Гомосексуальный чулан»⁶⁸ связан с конструкциями умалчивания не-знания и не-ведения. Запрещенная сексуальность обнаруживает себя как тема отсутствия и, в частности, отсутствия речи в виде риторической фигуре умолчания. Замалчиваемый «провал» не является пустым, он активно заполняется ортодоксальными навязанными идентичностями. Здесь прочитывается содержание навязанного гетеросексуального желания: «он должен желать ее». Такие выражения как «его странность», «истинная правда о нем», «бездна», «его странное чувство», «любая гнусность и чудовищное деяние» и другие⁶⁹ маркируют и стирают замалчиваемое гомосексуальное содержание одновременно. Обнаружение двустороннего однополого эроса оказывается зависимым от идентификации третьего Другого, который является посредником между двумя

⁶⁵ Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., ООО «Издательство Ад Маргинем», 2003. С. 80

⁶⁶ Там же, с. 81

⁶⁷ Кософски С. «Эпистемология чулана». М.: Идея – Пресс, 2002. С. 15

⁶⁸ Там же, с. 76

⁶⁹ Там же, с. 218

гомосексуальными индивидами. Третий Другой является или рассказчиком, или читателем, или зрителем. Он выступает в роли наблюдателя. Принимая роль рассказчика и продуцируя множество дискурсов, он артикулирует иную сексуальность, делая ее видимой. Дискурс, заданный с позиции, обслуживающей институциональные системы, будет всегда заниматься таксономией и стратификацией предьявляемой сексуальности. Третий другой оказывается в позиции трансцендентного эксперта, который знает об идентичности Другого изначально больше, чем тот знает о себе сам. Телесность, а также все произвольные и бессознательные проявления индивида фиксируются наблюдающим и автоматически попадают в нозологическое поле сексуальности и, как следствие, в систему интерпретации. Интерпретативная система отсылает к закрепленным в социальных структурах бинаризмам, продуцирующим процесс отбрасывания не-естественного, не-здорового, и других «не-» и процесс утверждения нормативного и законного. Третий Другой всегда выступает с позиции трансцендентности и нормативности. Однако возвращенный взгляд, направленный и обнаруживающий не-нормативную сексуальность, дискредитирует позицию наблюдателя, снимая манифестируемую нормативность и проблематизируя собственную сексуальную идентичность.

Конструкт чулана может наполняться различным содержанием и смыслом, но именно их предьявление и обнаружение выводят социальную систему из институционального равновесия. Система начинает интенсивно сопротивляться самообнаруживающемуся через признание знанию о том, что гетеросексуальность и гомосексуальность имеют одно и то же происхождение. Гомосексуальность провоцирует гетеросексуальность к ее определению.

Возникает альтернативная топология субъективности. Иф Сэджвик Косовски предлагает представление о квир-субъективности, которая оказывается открытой для каждого индивида независимо от его сексуальной идентичности. Квир-субъективность определяется как «экспериментальное

желание», маргинальная трансгрессивная сексуальность (Э. Гросс). Любая субъективность может производить маргинальное сексуальное действие, или квир-желание, основой которого является «экспериментальное желание» (Ж. Делез). Это желание продуцирует различие, которое определяет субъектную позицию индивида. Квир-идентичность избегает традиционных структурных бинаризов и более не редуцируется к гетеросексуальным и гомосексуальным идентификационным моделям.

Гомосексуальность не является противопоставлением гетеросексуальности, она возникает как ее дополнение и формулируется как одновременно внешнее и внутреннее по отношению к гетеросексуальности. Категоризация слова «гомосексуал» состоялась раньше, чем употребление слова «гетеросексуал». Когда институализированные дискурсивные системы: медицинские, юридические, литературные, психологические – начинают определять гомо/гетеросексуальность через их противопоставление, тогда бинарность вновь образовавшейся структуры раз-деленного пола позволяет конструировать дискурс запрета, отсылающий к структурно полагающим элементам социальной системы.

Замалчиваемая и вытесненная гомосексуальность, находящаяся под запретом, порождает чувство вины перед Законом. Или перед объектом любви. Индивид находится в ситуации несоответствия с нормой, идеалом. В этом случае возникает либо агрессия, направленная на объект, или другого, либо порицание себя. Невыполнимость идеала оборачивается внутрь себя самого. Отказ от гомосексуальности усиливает ее, так как «отречение становится целью и средством достижения удовлетворения»⁷⁰.

Гетеросексуальность выстраивается на двойном отказе от гомосексуальности. Например, при гомофобном режиме высказывания «Я (мужчина) люблю его (мужчину)» возникают следующие эротограмматические трансформации. «Я не люблю его – я его ненавижу», «Я не

⁷⁰ Батлер Д. Психика власти: теория субъекции. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. – 2002. С. 120

люблю его, я люблю ее», «Я не люблю его; она его любит», «Я не люблю его; я никого не люблю»⁷¹. Однако в этой ситуации Я и есть Он. Возникает амбивалентное тождество: если он – это не-я, а я – это не-он, то я - это он. Через артикулированное отрицание объекта желания происходит предъявление собственной скрытой сексуальной идентичности.

«Эта любовь, эта привязанность подпадает [becomes subject] под двойной отказ – никогда не любимого и никогда не утерянного. Это «никогда - никогда», таким образом, формирует гетеросексуальный субъект – идентичность, построенную на отказе признать привязанность и, следовательно, на отказе переживать ее»⁷². Маскулинность и феминность становятся результатом отказа от гомосексуальности и, как следствие, собственной идентичности.

Гомофобия структурируется посредством невозможности «правильного» и «безошибочного» определения сексуальной идентичности институтами власти, исполняющими трансцендентную функцию по отношению к существованию мужского индивида в качестве сексуального объекта. Гомофобность является социальным конструктом выстраивания принадлежности и причастности к доминирующей и определяющей основные социальные процессы гетеросексуальности. Гетеросексуальный дискурс, отсылающий к существующим властным режимам и практикам, задающим фаллоцентрическую систему ценностей и удерживающим систему экономического и социального производства в институциональном равновесии, делает обязательным сексуальное желание мужчины. Только мужское желание в качестве гетеросексуального дискурсивного обязательства, направленное на женский объект, конституирует принятую гетеросексуальную модель в социальном сообществе. Наличие мужского желания необходимо для поддержания господствующей фаллоцентрической дискурсивной системы.

⁷¹ Кософски С. «Эпистемология чулана». М.: Идея – Пресс, 2002. С. 170

⁷² Батлер Д. Психика власти: теория субъекции. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. – 2002. С. 117

Данное дискурсивное обязательство исключает любую возможность различия манифестированных желаний и социально разрешенных объектов предпочтения. Существует только одно дискурсивно предъявляемое желание – «мужское», и единственный дискурсивный объект этого желания – «женщина».

Идентификация содержит в себе как запрет, так и желание. Желание всегда маскулинно, так как мужское постоянно отвергает женское, а на желание, тождественное маскулинному, наложен запрет как на гомосексуальное желание. Женская идентичность остается всегда отвергнутой и утерянной, но всегда желанной. Женственность для него всегда объектна. Этот объект всегда недостижим. Он никогда не станет ею. Мужчина всегда будет искать и вырабатывать различие между собой и ею, а это значит, он постоянно находится в процессе идентификации. В то же время идентификация с женщиной остается отвергнутой, а мужская идентичность реализуется под запретом в инкорпорированной гомосексуальности.

Женское и гомосексуальное структурно тождественны, так как один из этих элементов всегда является второй частью бинаризма, где первая всегда – гетеросексуальный мужчина. Отсюда следует, что маскулинность определяется и конструируется только через феминность или гомосексуальность, но не через саму себя. Женская сексуальность, с одной стороны, выполняет функцию определения мужского желания и идентичности, с другой, она обращена к самой себе и начинает продуцировать женскую субъективность. Именно осознание наличия собственной сексуальности, наделение ее смыслом «естественности» и «нормальности», приводит женщину к процессу ресоциализации и переопределению гендерной идентичности. Женщина наделяет себя качествами субъекта, такими как сексуальная компетентность, ответственность за поддержание отношений и вербальную коммуникацию. Принимая статус субъекта, женщина начинает продуцировать собственное желание, направленное на мужчину. Происходит «возвращение взгляда», мужчина оказывается в роли объекта. Женщина, осознав себя и свою

сексуальность, обратив свой собственный взгляд на мужчину, объект своего желания, оставляет за ним статус субъекта, что позволяет продолжиться акту коммуникации, а, следовательно, сохранению потенции и интенции желания.

Безусловно, изменение женского статуса как объекта, приводит к сопротивлению мужчин, оказывающихся в ситуации собственной неопределенности. «...Любую мужественность всегда преследовала эта угроза внезапной обратимости в женственное»⁷³. Мужчина как субъект по-прежнему настаивает на «место»-положении женщины как объекта. «Пришествие женщины–субъекта не означает упразднения механизмов социальной дифференциации полов... Повсюду разделение по половому признаку становится менее заметным, менее категорическим и сильнее завуалированным, однако почти нигде оно не отмирает...»⁷⁴. Более того, появление женской субъективности инициирует рост мужского интеллектуального насилия, определяющего ее границы. Женская сексуальность, как критерий женской субъективности, возникает на пределе мужского желания. Запрещенная и замалчиваемая, она выражается через «подавленные» формы, являясь продуктом различных социально-культурных дискурсов, и носит репрессивный характер.

С одной стороны, современная мужская дискурсивная практика возвращает женщину на отведенное ей место объекта, где обязанность женщины – «отдаваться, существовать ради другого, посвятить всю жизнь ради мужчины»⁷⁵. С другой стороны, для мужчины женщина предстает в качестве утраченного объекта через отрицание женщиной самой себя в качестве объекта. Интеллектуальная репрессия мужского субъекта, направленная на подавление женской субъективности, утверждает ее как «место»-положение мужского мышления.

⁷³Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. С. 26

⁷⁴ Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб.: Алетейя, 2003. С. 339

⁷⁵ Там же, с. 28

Мужчина начинает рефлексировать по поводу утраченного объекта желания. Женщина становится симптомом его желания, существующим в пространстве фантазии. Становясь чистым субъектом, принимающим свою судьбу, женщина способствует продуцированию мужской идентичности. Осознав себя в качестве субъекта и предъявив свою новую позицию мужчине, тем самым, переопределяя его собственную идентичность, женщина задает новое качество взаимоотношений. Оба партнера оказываются в изменившемся пространстве интимной коммуникации. Женщина, наделяя мужчину субъективностью, а мужчина, осознавая изменившийся статус женщины с позиции объекта на позицию субъекта, оказываются в абсолютно равноправных отношениях. Желания и мужчины, и женщины становятся равнонаправленными в достижении удовольствия. Получение удовольствия зависит от качества их взаимодействия, понимания и учета потребностей друг друга. Он и она оказываются рефлексорирующими субъектами, обретая сексуальную идентичность. Пол становится онтологической причиной субъективации. Он принадлежит символической реальности, это категория мышления, продуцирующая самоидентификацию.

Женская субъективность требует новых, неклассических типов дискурсивности, практик письма и говорения. Сексуальность женщины более разнообразна, множественна в своих различиях, бесконечна. Женская непостижимость всегда остается за рамками видимого, за границами, за экраном, за рамками паттернов и стереотипов. Ее желание не имеет своего языка и конструируется в терминах и понятиях мужского желания. «Это чрезвычайно древняя цивилизация, несомненно должна иметь другой алфавит, другой язык... Нельзя ожидать, что женское желание говорит на том же языке, что и мужское; несомненно, женское желание погребено под той логикой, что доминирует на Западе со времени греков»⁷⁶.

⁷⁶ Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 129

Предъявление и актуализация женской субъективности открывает и заявляет о возможности существования и предъявления множества других сексуальных идентичностей. Вновь открывающиеся дискурсивные возможности оказываются иными по отношению к одному доминирующему фаллократическому дискурсу. Благодаря этому, эпистемологический статус субъекта меняется, он начинает определяться через «дифференциацию пролиферирующих различий»⁷⁷. Идентичность становится плавающей, она требует постоянного самоопределения в пространстве социальной реальности. Определение половой и гендерной идентичности становится необходимым условием для репрезентации субъективности в различных ситуациях и дискурсивных практиках.

В современном гендерном дискурсе доминирует плюральная идентичность, которая предъявляет себя через «контекстуализацию различных аффирмативных действий и различного перформативного гендерного опыта»⁷⁸. Например, Донна Хэрзуэй предлагает новую киборг-идентичность, являющуюся результатом генных технологий и состоящую из биологического, технологического, машинного, экономического, политического, т. е. субъект понимается как «материально-семиотический актер». Идентичность, по Хэрзуэй, определяется как «дискурс иммунной системы», различие в структуре субъективности репрезентируется как микроразличие на геномном уровне и конституируется как биологически ситуационное.

Люси Иригарэ деконструирует фаллоцентристскую конструкцию женщины как Другого мужчину. Несмотря на то, что женская сексуальность изначально концептуализировалась посредством маскулинных параметров, она является Другой, инаковой по отношению к мужской. Изначально в

⁷⁷ Жеребкина И. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие/ Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 54

⁷⁸ Там же.

фаллогоцентристской метафизике женщина репрезентировалась как существо, нуждающееся в «заботе» и контроле собственной сексуальности и тела. Женщине вменялось право быть носителем телесности с имманентным ей языком. Тело являлось основой бинарной структуризации патриархатной философской традиции и мизогинической установки исключения и нейтрализации женского начала в культурном континууме. Люси Иригарэ не просто пытается сконструировать новый автономный язык женской сексуальности и идентичности, она разрушает эссенциалистское восприятие тела как объекта, в качестве которого выступает женщина, и придает телесности онтологический смысл. «Цель, которую ставят перед собой все те же Брайдотти, Сиксу, Иригарэй, в некотором смысле рискуя вызвать нападки со стороны «антиэссенциалистов», заключается в реанимации телесности посредством легитимизации того языка, который описывает эту телесность, или, образно говоря, «пишет ее»⁷⁹. «Новая» женская телесность и сексуальность, начиная предъявлять себя в структурах языка, порождает новую женскую субъективность.

Женщина отказывается от своей единой сущности, определяемой в структурах фаллогоцентризма как «дефективная инаковость». Она способна самостоятельно утверждать себя по отношению к другим, как мужчинам, так и женщинам. Для этой цели женское нуждается в деконструкции бинарного стиля мышления и возможности многообразных форм репрезентации. Происходит аффирмация женской субъективности, то есть партикулярное преобладает над всеобщим. Интимные переживания женских ситуаций фиксируются в опыте телесного субъекта. Телесность становится критерием истинности и достоверности знания, тело дает место существованию. Женская телесность предъявляет себя через утверждение шокирующего женского тела, интимного табуированного и травматического бытия. «Тела со следами травмы, будь то

⁷⁹ Турыгина Н. На пути к «позитивной» женской субъективности: теоретические стратегии женских художественных практик. Журнал «Топос» № 1(6), 2002. Топография культуры.

следы хирургических ампутаций или же «непристойная» оголенность гипертрофированного тела, лишенная каких бы то ни было намеков на эстетичность, и, в принципе, любая «дефектность», которая тщательным образом избегается в модных глянцевах журналах»⁸⁰. По-новому репрезентированное женское тело представлено как тело разрывов и несовпадений. Намеренная деэстетизация тела противопоставляется традиционной «глянцевой» логике в восприятии женской сексуальности. Репрезентируемое телесное отвращение утверждает, что тело, а, следовательно, и идентичность нестабильны и постоянно изменяются, то есть женская субъективность множественна. «Отсюда загадка женщины в культуре, претендующей все пересчитать, прокалькулировать все в единицах, учесть все по отдельности. Она ни одно, ни два... Она сопротивляется всем возможным дефинициям»⁸¹. Исключение женского из структуры бинаризов возможно благодаря ее неопределенности и невозможности собственного определения в качестве «одного».

Как считает Ж. Бодрийяр, женское должно находиться за пределами бинарной оппозиции «женское - мужское». Оно должно разрушать властную дискурсивность и мужскую сексуальность. Женская субъективность, проговаривающая себя на языке мужского телесного наслаждения, лишается своей природы. Оно становится полностью функциональным и вписанным в фаллократическую структуру. Как только женское удовольствие трансформируется в обязательное наслаждение, оно сразу попадает в строй властных дискурсивных практик, т.е. исчисляется, калькулируется и потребляется в заданных количествах. Потребность в обязательном женском оргазме задает предел бесконечному удовольствию. Конечное и определенное

⁸⁰ Турыгина Н. На пути к «позитивной» женской субъективности: теоретические стратегии женских художественных практик. Журнал «Топос» № 1(6), 2002. Топография культуры.

⁸¹ Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 130

наслаждение приобретает институциональную природу и становится частью Порядка или Закона. «С этим надо было кончать - женщины обязаны кончать»⁸². Так наступает эра «прописного оргазма»⁸³. Как только женский оргазм, женское удовольствие оказываются вписанными в систему знания, поддерживаемую медицинскими и политическими дискурсами, так они становятся частью системы социального производства. Сексуальное освобождение свелось к стратегии навязывания женского права, женского статуса. Субъективное женское становится объектом политического дискурса. Женское перестает выполнять свою первичную функцию производства субъективности и определения половой и гендерной идентичностей.

Женственность в статусе объекта в точке предельного наслаждения лишается своей соблазняющей природы. Лишенная не-хватки, она полностью представлена и предъявлена. В этом случае мужское становится прерывистым в получении наслаждения, а женское – бесконечным и непрерывным. По принципу доступности и готовности в удовлетворении всех желаний структурируется вся система потребления. Порнография насильственно производит материализацию секса. Секс в современном контексте является актуализацией желания в наслаждении. Все подчинено функциональности – оргастической, энергетической и т.д. «Панике, внушаемой мужчине "освобожденным" женским субъектом, под стать разве что его беззащитность перед порнографическим зиянием "отчужденного" пола женщины, женского сексуального объекта. Приводит ли женщину "осознание рациональности ее собственного желания" к требованию наслаждения или, захваченная тотальной проституцией, она сама себя предлагает как средство наслаждения, выступает ли женственность субъектом или объектом, освобожденной или выставленной на продажу - в любом случае она предстает как сумма пола (как секс), ненасытная прорва, прожорливая разверстость. Не случайно порнография

⁸² Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. С. 51

⁸³ Там же, с. 52

концентрируется на женских половых органах»⁸⁴.

Женское всегда должно создавать не-хватку желания на символическом уровне, тем самым постоянно продуцируя дискурс желания и придавая существованию пола смысл. Но не путем переворачивания оппозиции и замещением мужского женским. Женское не должно становиться частью системы, оно должно оставаться на границе, либо за ней, оно должно быть организовано как пробел, который есть способ движения к смыслу. «Подобно тому как о вещи говорится, что она длится, поскольку ее существование неадекватно ее сущности, так же о женском следует сказать, что оно соблазняет, поскольку никогда не оказывается там, где мыслится»⁸⁵.

Механизм соблазна может снять «различительную сексуализацию тел»⁸⁶, разрушив властные фаллические структуры. Выходя за пределы анатомического или биологического, снимается всякий дискурс власти, основанный на бинарности. Женщина становится производительницей пола. «...Последним аватаром предстает женщина - производительница себя самой как женщины и как пола»⁸⁷. Только благодаря соблазну, производимому женщиной, пол становится различимым. С одной стороны, женское посредством соблазна устраняет пол как социальный конструкт, в этом случае пол становится «нулевым», с другой стороны, оно делает его различимым в точке соблазна, в точке возникновения субъективного, наполняя категорию пола онтологическим смыслом. Сексуальность необходимо актуализируется в желании, или влечении. Интенциональность желания является обязательным условием определения половой идентичности, и как следствие, возникновения субъективности.

Противопоставляемая мужской субъективности и сексуальной идентичности женская субъективность и женская сексуальность занимают

⁸⁴Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. С.63-64

⁸⁵ Там же, с. 32

⁸⁶ Там же, с. 37-38

⁸⁷ Там же, с. 26

позицию вторых элементов бинарной оппозиции. Любые попытки самоопределения в логике бинарного мышления заканчиваются дискурсивной не-самостоятельностью. Женское определяется через мужское, мужское через женское. Причем женское начинает замещать мужское, в связи с этим происходит знаковая инверсия властных дискурсов, предьявляющая себя в феминистском движении. Фаллоκραтия мужская трансформируется в женскую. Феминистский политический проект продуцирует построение новых мифологем в рамках патриархатной культуры, где «образ» женщины формируется по «маскулинному типу». Как отмечает К. МакКиннон, для изменения положения женщин необходима радикальная деконструкция понятия пола и переопределение норм половой идентичности. Только в этом случае возможны радикальные перемены в обществе⁸⁸. В ином случае произойдет всего лишь перераспределение культурных и политических символов.

В результате изменения иерархических порядков и смены политических знаков структурная оппозиция «мужское - женское» индифференцируется и нейтрализуется. Традиционный бинаризм становится предметом политического дискурса. Половая идентичность трансформируется в классовую принадлежность и социальный статус. «Женщина» и «мужчина» классифицируются как индивиды, лишённые половой принадлежности. Утрата половой идентичности и порождение безликости приводят структуру к объективации и утрате субъективного начала. В связи с этим возникает потребность в ином способе структуризации идентичности и субъективности.

Все категории, используемые феминизмом в политической борьбе, должны быть вновь переартикулированы. Феминистский субъект, произведенный «политиками исключения», должен быть открыт для нового вопрошания и переформулировок вне бинарных конструкций, установок и

⁸⁸ Порошенко О.Ю., Харисова Т.А. Ускользящая женственность или Eat your make-up: критика радикального феминизма. Мужской электронный журнал. <http://globkazan.narod.ru/2004/a15.htm>

целостных систем, претендующих на универсализм. Постфеминистское методологическое основание – ставить вопросы, соответственно постоянно рефлексировать по поводу собственного существования. «Философы и другие создатели знания должны стремиться...к обеспечению бесконечного «рассеивания» смыслов. Им следует отречься от попыток построения замкнутых систем, где другой или «избыток» «вытесняются на границы» и затираются в интересах согласованности и единства. Их задача - раскалывать и расстраивать, но не реконструировать тотальности или большие теории»⁸⁹.

Женское постоянно находится в движении и поиске новых смыслов и интерпретаций. Оно не может застыть в нормативном силовом поле. Как отмечает Т. де Лауретис, женская субъективность продуцирует уход от более привычного «места» культуры к более рискованному, концептуально «иному» дискурсивному месту, размышление и письмо из которого являются более неопределенными и негарантированными. Женская субъективность постоянно разрушает принятые способы бинарного мышления, она не нуждается в трансцендентальных гарантиях или иллюзиях невинности. Женское продуцирует процесс субъективации, обращаясь к желанию Другого, производящего различие. Дискурс различий порождает процесс коммуникации, непосредственно апеллирующий к половому различию. Половое различие автоматически включает процесс половой идентификации, то есть пол начинает выполнять свою онтологическую функцию – определение половой идентичности для дальнейшего позиционирования и предъявления индивида в поле социальной реальности.

С одной стороны, возникновение дискурса женской сексуальности приводит к производству женской субъективности. С другой стороны, как показывает Ж. Бодрийяр, артикулированная женская сексуальность в границах мужской дискурсивности теряет всю силу соблазна и приводит к тотальной

⁸⁹ Флекс Д. Конец невинности //Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 637

объективации половой идентичности, актуализированной в порнографии. Мужское желание всегда интенционально, оно требует своего продолжения и бесконечного удовлетворения. Однако ограниченность наслаждения приводит к объективации женскую субъективность, к ее обнулению. Объективированное женское предельно и конечно, соответственно, возникает требование субъективности, которое может реализоваться только с помощью соблазна.

Сексуальность можно интерпретировать как субъективное желание, направленное на определенный объект, в качестве которого выступает Другой, определяющий половую и социальную идентичность желающего субъекта. Мужская сексуальность преследовала принцип производства, женская сексуальность ориентируется на принцип желания. Наличие и возникновение сексуального желания является условием функционирования механизма соблазна. Соблазн является границей взаимодействия сексуальных идентичностей, трансформирующихся в мужскую и женскую субъективности.

Итак, в социальном производстве конституированный субъект продуцирует собственную субъективность в структурах ограниченной сексуальности, объективирующейся в репродуктивном производстве. В избыточной сексуальности, как остаточном принципе производства, продуцируется непрерывное воспроизводство множественного желания, целью которого становится сексуальное наслаждение. Избыточная сексуальность табуируется, обозначая границы легитимации. Субъективность возникает как сопротивление идеализированной норме в структурах запрета. Запрет продуцирует и интенсифицирует запрещенное субъективное желание. Социальная идентичность становится помехой сексуальной идентификации. Сексуальная идентичность продуцирует инаковость по отношению к Абсолютной норме и закону, а также по отношению к Другому. Возникновение рефлексии по поводу собственной идентичности переводит индивида из поля социального в поле субъективного.

С одной стороны, сексуальность за пределами легитимированного секса

обращена к множественным объектам желания как потенциальным объектам наслаждения, т.е. она принципиально перверсивна за пределами нормы. С другой стороны, легитимированная перверсивность мужского наслаждения исчерпывается женским объектом, полностью объективированным и конечным, не способным обеспечить пролонгированное наслаждение. Конечность женского как объекта мужской сексуальности, всегда ограничена и объективирована. Женская сексуальность ограничивается мужской, определяясь посредством мужского дискурса. Она всегда избыточна по отношению к мужской. Мужской дискурс задается направленностью сексуальности на женский объект, который его ограничивает и определяет. Мужская идентичность, не способная определяться через саму себя, идентифицируется посредством женского в ситуации нормативной гетеросексуальности как не – женское, а женское задается как не – мужское через границу взаимоопределения. В ситуации возникновения ненормативной избыточной сексуальности самоидентификация задается через пределы нормы, как пределы нормативной половой идентификации. Ненормативная сексуальность в границах противопоставления нормативной объективированной половой идентичности предъясвляется как субъективированная дискурсивность в структурах умолчания, замалчивания или запрета. Умолчание является способом структурирования не-нормативной сексуальности, определяющей субъективность в структурах половой идентичности.

Сексуальная идентичность определяется «предпочитаемым объектом» желания. Нормативная маскулинность всегда определяется и структурируется через феминность или гомосексуальность в зависимости от объекта желания. Мужское желание предъясвляет себя в качестве дискурсивного гетеросексуального обязательства, контролируемого институциональными системами власти. Нормативный дискурс озвучивает только одно дискурсивное желание - мужское, и только один объект этого дискурса – женский.

Ненормативное желание, актуализирующееся через гомосексуальность, провоцирует гетеросексуальность к ее предъявлению и озвучиванию. Направленность сексуального желания на предпочитаемый объект продуцирует и обеспечивает возможность выхода в коммуникативное пространство, в границах которого происходит акт половой идентификации индивида. Только в процессе коммуникации становится возможным определение половой идентичности субъекта.

Женская субъективность обращена к телесности. Телесность всегда существует в структурах запрета в качестве «а-нормативного» по отношению к трансцендентному началу. Субъекция, как процесс социальной идентификации субъекта, строится на инкорпорировании трансцендентных норм и выстраивании идеальной идентичности. Она всегда поддерживается дискурсом власти. Телесность оказывается несоциализированным остатком, устанавливающим пределы нормализации.

Другой становится условием самоидентификации индивида. Женственность, будучи всегда объектной, вытесняется не только из структур субъективного, но и из структур Символического, являющегося условием сохранения не-хватки желания. Объектность Другого всегда конечна и нерелексивна. Мужское наслаждение достигает своего предела и исчерпывается полной объективацией женского. Подавление субъективного оборачивается перверсивностью реализуемого наслаждения. Нерелексивируемое желание становится объектом желания Другого. Оборачиваемость и возвращенность желания к самому себе включает процесс самоидентификации индивида через различие между собой и Другим. Сексуальная идентичность Другого как объекта желания определяет собственную идентичность.

Для сохранения желания, структурирующего субъективность, необходима возможность дискурсивного предъявления объекта желания в границах коммуникативного пространства. Женская сексуальность начинает продуцировать собственный язык, она становится дискурсивной. Женщина

предъявляет и утверждает новый субъективный опыт телесности. Женское удовольствие, бесконечно воспроизводимое желанием, противопоставляется конечному мужскому наслаждению. Женщина становится субъектом желания, возвращая мужчине его взгляд – на – нее, тем самым включая его в пространство субъективности. Отрицая себя в качестве объекта, женщина устанавливает субъект-субъектные отношения. Акт коммуникации продолжается, сохраняя потенцию и интенциональность желания.

Оказываясь рефлексивными субъектами, каждый актуализирует свою половую идентичность. Различие между женским и мужским субъектом должно необходимо сохраняться в целях производства субъективности в контексте социальной реальности. Незавершенной и ускользающей, выполняющей функцию соблазна, становится женская субъективность. Женское разрушает властную дискурсивность, основанную на взаимоопределяющей гетеросексуальности двух биологических полов. Как только женское начинает определяться через мужское в границах дискурса фаллоцентризма, оно утрачивает свою субъективную природу и сущность. Женское всегда будет позиционироваться за пределами нормативного дискурса и нормативной сексуальности, создавая собственное пространство субъективности.

§3. Самоопределение субъекта в поле пола

Современная социальная реальность предъявила кризис в дефинициях гомо- и гетеросексуальности. С приходом и актуализацией гомосексуальности индивид утратил ощущение собственной половой определенности. Возникновение поляризованной половой идентичности породило множество сексуальных дискурсов, которые стали непосредственно влиять на процесс самоидентификации субъекта. Выбор предпочитаемого объекта является основополагающим в определении сексуальной ориентации, которая в свою очередь становится главным критерием определения половой идентичности индивида. Артикуляция сексуального «декадентства» или неосексуальности (различные сексуальные практики и практики изменения тела: садомазохизм, активный бисексуализм, трансвестизм и т.д) «размывает» границы традиционных сексуальных идентичностей и влечет за собой половую неопределенность. Половая неопределенность нарушает гендерную. Например, есть женщины, любящие женщин и считающие себя лесбиянками, но не геями, и другие, которые считают себя женщинами-геями, но не лесбиянками⁹⁰.

Сексуальная и половая идентичности становятся «плавающими». Индивид, лишенный конституированной идентичности, принимает на себя «queer- идентичность» (Т. де Лауретис). Субъект с queer- идентичностью определяется всегда в терминах социального вытеснения за рамки культурной и социальной нормативности. Квир-субъективность – «экс - центричная» или децентрированная – дает возможность выхода из централизованного мышления в категориях фаллоцентризма. Поэтому субъект с квир-идентичностью лишен собственного «места» в пространстве социальной реальности. Он начинает «переписывать» себя заново в терминах эксцесса и дезидентификации. Однако queer-субъективность, это не просто конструкция маргинальной, миноризированной сексуальности. Queer-субъективность – это трансгрессивная

⁹⁰ Кософски С. «Эпистемология чулана». М.: Идея – Пресс, 2002. С. 24

сексуальность и сексуальные отношения, находящиеся за границами традиционных и стереотипизированных сексуальных норм. «Нормативность» в этом контексте может быть как гетеросексуальной, так и гомосексуальной. Характеристикой queer может обладать как гей-сексуальная, так и гетеросексуальная субъективность. Queer-субъективность занимает позицию «становления», она не редуцируется к классическому бинарному мышлению, производящему фиксированные мужские – женские идентичности. Queer-субъективность в качестве репрессированной миноризированной субъективности всегда полагает различия между субъектами, так как заключает в себе бесконечное множество маргинальных типов желания.

Как отмечает И. К. Сэдживик, современное определение сексуальной ориентации не ограничивается гендерным объектным выбором. «Чулан», характеризующий топологию queer-субъективности, начинает выполнять функцию перформативности. Логическая структура «чулана» содержит в себе как внутреннее, так и внешнее (акт молчания становится речевым актом) и характеризуется параметром действия, определяющего queer-субъективность как перформативную структуру субъективности. «Чулан», являющийся основой оппозиции приватного и публичного, нормативного и анормативного конституирует субъективность через отчуждение. «Чулан» становится конституированным местом разрыва между тем, «что субъект есть» и «что субъект делает» на самом деле. Процесс обретения «нормативного» пола субъектом происходит через исключение «отбросовых» (Д. Батлер) характеристик доминантными структурами власти, то есть субъект конституируется посредством механизма исключения и отрицания. Процесс становления и развития queer-субъективности, концептуальной основы самоидентификации субъекта предполагает необходимость и «нормативность» идентификационных политик исключения. Процесс субъективации предполагает выход из «чулана» и артикуляцию своей собственной идентичности. Сам акт выхода или действия и будет актом становления

субъекта.

Проблема половой неразличенности актуализирует отношения между субъектом и дискурсом, субъектом и социальной реальностью, субъектом и Другим субъектом. В фаллоцентристской модели мира субъект предьявлялся как мужской. Мужской субъект репрезентовал субъектную норму, по отношению к которой женское определялось как девиантное и анормативное. Женщина всегда была представлена как нулевая субъективность. Существовая в качестве объекта, она тянулась к кому-то или чему-то, не имея возможности вернуться к себе самой, к своей внутренней субъективности. Лишенная собственного места, она мыслилась пустой и неза-пол-ненной. Женская нулевая субъективность находилась в постоянном движении, определяясь через мужской субъект. Мужчина определял и полагал женщину началом своей идентичности (образ матери как символ кастрации). Материнско – женское становится отделенным от «его» места, а поскольку оно «пустое», оно угрожает своей «без-местностью». «Без-местность», как «угроза», уже содержит в себе скрытые силы, которые предьявляются через структуры желания. Женское желание изначально не отрефлексировано и не промыслено, однако оно всегда противостоит мужскому желанию и, как следствие, всему фаллократическому институциональному порядку. Женщина начинает рефлексировать по поводу собственной идентичности и сущности, исходя из своего собственного желания. Так появляются теории лесбийской сексуальности, представленные Т. де Лауретис и Э. Гросс.

Лесбийская гомосексуальность интерпретируется исключительно в терминах *queer* – субъективности, иначе «знание» женской лесбийской сексуальности, как амбивалентного дискурса мужской сексуальности, будет неизбежно редуцировать к моделям субъективности, сексуальности, телесности и онтологии фаллоцентристской культуры. Лесбийское желание – это всегда *queer*-желание, всегда нерепрезентативное в системе традиционных понятий. Возникает необходимость создания собственного языка, письма, дискурса.

Лесбийская структура сексуальности предполагает дискурс перверсивности, где объект желания выступает как знак потерянного объекта, причем всегда не-достижимого. Образ «потерянного объекта» - это образ самой себя, своей субъективности, к которой она постоянно стремится. В качестве знака – фантазматического объекта, является тело Другой, или тела множества Других. Через них женщина может приблизиться к самой себе и обрести себя, так как желание существует не автономно (например, мастурбация), а только через фантазию, направленную на Другого. Женщина как бы восстанавливает свое собственное субъективное тело-образ. Потерянный объект, как потерянный идеальный объект, конституирует женское желание как таковое. Оно безгранично и бесконечно, так как находится в постоянном движении к Другому. Желание женщины удвоено, так как через желание Другого она желает саму себя.

Существование желания тождественно существованию бессознательного в качестве бесконечной потенции и интенции. В связи с этим желание в терминах «интенсивностей» становится «экспериментальным» (Э. Гросс). Это желание, которое ничего не производит, кроме самого себя. Самое главное – это интенсивность удовольствия, когда рефлексия больше не имеет места. Традиционное определение субъективности строится на определении «сущности», которое продуцирует властные политики подавления. Queer-желание («экспериментальное желание») задает новое основание субъективности, а именно параметр действия, определяющийся своей направленностью. Поэтому «queer-идентичностью» может обладать любой индивид.

Производство желания является основой производства субъекта. Желание всегда имеет направленность вовне. Оно реализуется и предъясняется через объект желания, который, в свою очередь связан непосредственно с «идеальными формами причинения, понимания или выражения»⁹¹, то есть с

⁹¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 46

миром социального. Желаящий индивид определяет и предъявляет свое бытие посредством «своих представлений причиной реальности объектов этих представлений»⁹². Основой желания индивида является не-хватка реального объекта, отсылающего к натуральному или социальному производству. Желание начинает дублировать реальность и удваивать ее. В этом случае реальность всегда не-достаточна и она требует бесконечного воспроизводства желания и, следовательно, потребностей. Желание не испытывает потребности или не-хватки в объекте, оно бесконечно воспроизводит его. Желание и его объект составляют единое целое, где объект – результат производящего желания. Не-хватку испытывает индивид, не достигая своего желания. Не-хватка закрепляется и обособляется в природном и социальном реальном. Не-хватка, как остаток, объективируется в индивиде в качестве субъекта. Объектная организация желания лишает его объективного бытия и переводит его в поле субъективного.

Индивид в точке субъективации начинает рефлексировать по поводу своего желания. Задача субъекта – раскодировать поток желания, записать, проговорить, упорядочить, зафиксировать, то есть осознать собственное желание. Это может произойти в точке предела, к которой стремится желание. Предельной точкой становится объект желания, на котором оно замыкается. Объектов желания существует безграничное множество, следовательно, объект становится частью или остатком субъекта. Субъект не может быть представлен одним целым, он становится «кочевым и бродячим субъектом»⁹³. Делезовский субъект лишен фиксированной идентичности. «Это странный субъект..., блуждающий по телу без органов, всегда остающийся рядом с машинами желания, определенный той долей, которую он забирает из произведенного..., рождающийся из состояний, которые он потребляет, и перерождающийся с

⁹² Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 47

⁹³ Там же, с. 50

каждым состоянием. «Итак, это я, итак, это я...»⁹⁴. Блуждающий субъект,двигающийся по кругу желаемого производства, всегда децентрирован, так как он выводится из состояний, через которые он проходит. Состояния объективированы, следовательно, индивид проходит через тождество с другими объектами, являющиеся Другими. Другие поименованы и зафиксированы в Реальности, возникает История, имеющая последовательность и сочлененность. Отождествление субъекта происходит не с самими Другими – это не-возможно, а с их именами. Имя – символ, принадлежащий знаковой реальности, предъявляющий себя в языковом поле. Можно говорить о субъекте и процессе субъективации исключительно в границах дискурсивных пространств.

Субъект и объект желания неразрывно связаны между собой. Они встречаются в точке «среза» производства желания. Срез продуцирует обособление частичных объектов. Важно то, что они все равноценны, независимо от их социальных означающих. Процесс раскодирования связан с процессом понимания означающих и их, возможно, новых интерпретаций, которые изначально наделены ценностью. Между субъектом и объектом его желания возникает коннекция или коммуникация. В точке коннекции порождается требование определения субъекта по отношению к Другому, объекту своего желания, и определение Другого по отношению к субъекту. Обособление продуцирует процесс идентификации субъекта. Процесс взаимного самоопределения задает ситуацию выбора осуществления реальных действий желания. Другой всегда иного пола, встреча с ним возвращает к половому различию. Один пол никогда не может быть усвоен другим, всегда есть остаток.

Поле пола, по которому циркулирует и передвигается кочевой субъект, не-определенно. Субъект не имеет изначальной половой идентичности; она может предъявляться только в качестве навязанной или приписанной согласно

⁹⁴ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 34

установленным законам социального порядка. Субъект может иметь только «нулевой» пол, пол не-за-пол-ненный, «полый», пустой. Каждый субъект одинаково возможно обладает двумя полами. Поэтому он способен дифференцировать других по признаку пола и общаться с ними. Любое определение пола будет положительным. Кочевой субъект выходит за границы и территории нормативных означающих. Он выходит за территории конституированной гетеросексуальности и оказывается в пустыне социального, еще не-означенного и не-поименованного. Он лишен половой идентичности, которая находится в потенции и предъядится через актуализацию желания. «Мы гетеросексуальны статистически или молярно, но гомосексуальны персонально, не зная о том или зная, и, наконец, транссексуальны элементарно, молекулярно»⁹⁵.

Желание производит целостных субъектов, оно является условием дифференциации их половой принадлежности. Желание, предъядляемое через сексуальность, продуцирует определение половой идентичности и, как следствие, возникновение субъективности. Нормативная сексуальность исходит из трансцендентного начала, например, через эдипальный комплекс. Она изначально объективирована в социальных структурах и предъядляется посредством конституированной гетеросексуальности. Пол задается и определяется властными дискурсивными порядками, обслуживающими социальную систему. Он объективирован и вынесен за пределы субъективности. Механизм определения половой принадлежности заключается в навязывании и приписывании индивиду того или иного пола, выполняющего функцию биологического производства. Дизъюнктивный синтез регистрации используется трансцендентным способом. Нормативная сексуальность интериоризируется в пространство заданной социальной реальности. Субъективность может возникнуть только при условии наличия желания и объекта этого желания; если она задается внешними порядками, то полностью

⁹⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 114

объективируется и интегрируется в системы социального производства.

Транспозиционный субъект, возникающий в точке предъявления желания, выполняет раз-личительную функцию. Точки предъявления являются точками предъявления смыслов. Как отмечает Ж. Делез, проблема смыслов отсутствует, значимо только то, как используются эти смыслы. Смыслы актуализируются только в отношении. Эти отношения возникают в процессе акта коммуникации с Другим. Коммуникации, в свою очередь, возникают в свободном порядке согласно желанию субъекта. Функция дифференциации имманентна процессу субъективации. Кочевой субъект обозначает социальную реальность посредством дизъюнкции и дифференциации. Он производит ее в формах различных качественных единиц. Он продуцирует новые знаки – имена, прописывая реальность заново. Производимая реальность всегда будет а-нормативна, так как она находится вне процессов институализации. Пространство движения бродячего субъекта – «лакуны, переходы и связки»⁹⁶. «Кочевое и многозначное использование конъюнктивных синтезов противопоставляется сегрегационному и одно-двузначному использованию»⁹⁷.

Субъект посредством множественных состояний бесконечно воспроизводит самого себя. Кочевой субъект не движется по вертикальным нисходящим или восходящим линиям (в этом случае он попадает в пространство иерархических структур), он держится круговой, спиральной формы производства. Сексуальность находится в состоянии бесконечного воспроизводства, актуализирующего определение половой идентичности. Сексуальность или желание производит пол, а не пол, нормативно конституированный властными дискурсами, производит сексуальность. Как только желание «вводится» в рамки закона, так создается не-хватка желания, которая может производить лишь пустые знаки – означающие реальности, никак не связанные с желающей реальностью субъекта. Конституированное

⁹⁶ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 157

⁹⁷ Там же, с. 168

желание функционирует в качестве производства фантазмов. Фантазмы навязываются индивиду и интегрируются в его сознание. В этом случае индивид отождествляется с навязанными объектами желания, при этом полностью объективируясь в них. Он становится не-различимым в потоке интериоризированных объектов - фантазмов. «Значит, вот чего я хотел...»⁹⁸

Истинное желание революционно по своей природе. Любая позиция желания ставит под вопрос установившийся порядок общества. Жиль Делез делает акцент на том, что никакое общество не может вынести истинного желания, так как оно разбивает структуры эксплуатации, порабощения и иерархии. Истинное желание продуцирует возникновение новой альтернативной субъективности. Феминизм акцентирует свое внимание на возможности выхода из структур фаллоцентрического мышления благодаря номадическому сознанию как эпистемологическому и политическому императиву критического мышления.

Номадизм начинается с самого акта движения, с пересечения нормативных дискурсивных границ. Движение номады носит хаотический характер, противопоставляемый линейно-упорядоченным, вертикальным связям в пространстве социально - структурированных систем. Грамматическое время номад – настоящее несовершенное. Номадическое сознание не имеет памяти; «это форма противостояния ассимиляции или гомологизации доминантными способами репрезентации «я»⁹⁹. Категория памяти предъясвляет себя с помощью не временных, а пространственных структур. Тело субъекта, перестающее быть биологическим организмом, начинает функционировать в качестве социального тела, отображая требования социуса. Телесность предъясвляется и закрепляется письменно или устно посредством произведенных знаковых структур (зафиксированных на теле, или в языковом

⁹⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 183

⁹⁹ Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 148

поле), которые существуют в настоящем времени, но различаются своим качеством и интенсивностью. Данный процесс является процессом дизъюнктивного синтеза, происхождения и воспроизводства (Numen). Это разные состояния субъекта-номады, возникающие бесконечно. Они никогда не оказываются в прошлом, они «одни из...». Так возникает история субъекта – номады, таким образом производится память, «частная, ночная, биокосмическая память»¹⁰⁰ как набор различных состояний бытия. В этих состояниях субъект остается бисексуальным, он остается двузначным.

Субъект – номада движется по дискурсивным пространствам. Она создает собственное письмо и собственный стиль. Субъект – номада – это всегда «говорящая» телесность. Неслучайно женщина, отторгнутая от процесса писания и, как следствие, от собственного тела, отождествляет себя с номадической субъективностью. Женское письмо, «тексты женского пола»¹⁰¹ становятся процессом становления и предъявления женской субъективности. Право писать является возможностью социальных и культурных трансформаций, так как в фаллоцентристской системе ценностей письмо маркировалось как исключительно мужское. Женское как результат полового различия производит и создает новую «пойэтику» (Л. Иригарей). Письмо является актом говорения о себе самой, собственной личной истории, истории собственного тела и сексуальности. «Я так же переполняема желаниями, порождающими новые желания, мое тело знает никому неведомые песни»¹⁰².

Номадическое письмо не отсылает ни к истокам, ни к трансцендентности, поэтому оно «бездомно»; оно развивается из самого себя путем приращения новых смыслов и интерпретаций. Идентичность прописывает саму себя, она маркируется «тотемической географией»¹⁰³. Субъект пишет на «своем теле»,

¹⁰⁰ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 246

¹⁰¹ Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 801

¹⁰² Там же, с. 800

¹⁰³ Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В.

тем самым реализуя потребность в собственной размещенности. Позыв к беременности, всегда жестко табуированный, как и получение клиторального наслаждения (в некоторых культурах девочкам-младенцам прижигали клитор раскаленным железом), являются актуализацией процесса женского письма как письма через собственную телесность. В данном случае беременность это не акт репродуктивного воспроизводства, а акт творчества, «желание растущего живота, обретения языка, желания крови»¹⁰⁴. Проговаривая себя на бесконечном множестве возможных языков, субъект-номада регистрирует свое присутствие в пространстве коммуникации. Динамика непрерывного обмена между субъектами позволяет номаде находиться в вечном движении. Пол другого не имеет значения для акта коммуникации. Субъекты-номады – бисексуальны, но, как отмечает Элен Сиксу, это «другая бисексуальность». Это ощущение себя разной, это «самодопущение» в себя Другого позволяет расширить свое собственное пространство желания и наслаждения, прописываемых на всех частях своего тела. Женщина постигает Другого снова и снова, она не стоит на месте (поэтому номада без-местна), она вступает в обмен, она - «желание – которое - отдает»¹⁰⁵.

Коннекции в коммуникативном поле становятся бесконечными, как и количество языков, их порождающие. Женское письмо всегда остается неопределенным. Это невозможно, так как это письмо не может подвергнуться теоретизированию, кодированию и классификации в терминах фаллоцентрического письма. Это всегда будут новые дискурсивные пространства, выходящие за пределы главенствующей властной

Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 139

¹⁰⁴Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 817

¹⁰⁵ Там же, с. 819

дискурсивности. Поэтому женское письмо всегда революционно, так как оно «разрушает системы институтов, взрывает законы, низвергает «истины» с хохотом»¹⁰⁶.

Для актуализации собственной субъективности и пола необходимо обращение и выход к социальному и символическому. Знаки перестают быть двузначными и определяются по отношению к социальной реальности. Субъект оказывается в точке выбора; интенсивные состояния трансформируются в различимые лица Других. Структура «или... или» замещается структурой «то ли... то ли». Символическая социальная реальность функционирует посредством запрета. То, что не относится к общественному производству, оказывается вытесненным и закодированным в запрете. Однако запрет является чистой границей, границей, на которой возможно реальное и невозможно символическое. Символическое как бы нарушается, и запрет становится ложным. Для того, чтобы актуализировать свою субъективность, запрет необходимо должен быть нарушен. То есть субъект должен оказаться в точке предела на границе самоопределения. Только здесь он оказывается в состоянии вопрошания «то ли ... то ли». Субъект – номада всегда выбирает границы – «ничи земли»¹⁰⁷, «чулан», территории вне конституированной дискурсивности.

Территория движения номады определяется границами переходов из одного дискурсивного пространства в другое. Места переходов, промежуточные зоны – нейтральны, они еще не обозначены, поэтому их время – «настоящее длительное»¹⁰⁸. С одной стороны, пустые анонимные территории нуждаются в своем определении и предъявлении, поэтому они становятся зоной творчества современных художников. С другой, эти зоны уже

¹⁰⁶ Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 814

¹⁰⁷ Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 141

¹⁰⁸ Там же.

сигнифицированы, тогда номада, входя в поле интерпретаций, снова предъявляет себя в качестве субъекта. Понятие «политики места», введенное Адриенн Рич, отсылает к политическому дискурсу, в этом случае, «территория, место» будут из точки трансцендентности определять индивида в нормативных границах закона. Образ номады трансформируется в образ либо изгнанника, как результата реализации доминантных моделей социального подавления, либо мигранта, «вынужденного изгнанника», как результата насильственного перемещения посредством скрытой экономической и, как следствие, классовой стратификации. И изгнанник, и мигрант всегда существуют либо в прошлом времени, либо в настоящем совершенном, проявляющемся через воспоминания и чувство ностальгии по прошлому. Реализация их идентичностей оказывается незавершенным проектом, недостижимым, утраченным объектом желания.

Номадическое движение становится способом определения территорий. Развитие территориальности всегда предполагает возникновение трансцендентного Единства (Государства), которое продуцирует подавление и подчинение. Публичные городские области перегружены сигнификацией, но данный символизм анонимен и лишен смыслов. Смысл возникает в процессе производства транзакций. Пространство подчинено действию социально-культурных императивов, действующих в местах перехода: «расписания, ритмы производства, разрешенные или запрещенные императивы» и т.д. Номада необходимо должна оказаться в данном пространстве для того, чтобы на пределе социальности «разрушить» ее и заявить о своем собственном существовании. Процесс объективации оборачивается процессом субъективации. Желание, находящееся в процессе воспроизводства, направлено на переосмысление существующего общественного производства. Происходит детерриторизация общественного пространства. Начинается процесс переименования или нового означивания территорий.

Номадический субъект имеет способность расшифровывать и понимать существующие знаки, появляясь не только в главенствующих устоявшихся

дискурсах, но и в скрытых или нейтральных пространствах - лакунах. Номада выступает в качестве картографического субъекта, рисующего новую карту, новую систему координат. Субъект-номада способен декодировать знаковые пространства, придавая им новые значения, по-новому интерпретируя текст, создавая свое обозначенное место на карте, свой «дом», оставляя свой след. Однако, «быть номадой не означает образ бездомности или насильственного перемещения; это скорее фигуральное выражение такого типа субъекта, что оставил всякую идею, желание или ностальгию по закреплённости. Такая фигурация отражает желание идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат, без эссенциального единства и вопреки ему. Модус номады – это определенные, сезонные паттерны движения по довольно устойчивым маршрутам. Это сцепление, порожденное повторениями, циклическими движениями, ритмическими перемещениями...»¹⁰⁹. Двигаясь по границам, определяясь в них, номада порождает свой собственный номадический дискурс, способный предъявляться в трансдисциплинарных множественных взаимосвязях.

Номадическое сознание заявляется как эпистемологическая позиция, в которой открывается модус мышления, противостоящий фаллоцентрическому. В точке пересечения двух модусов мышления или двух дискурсов начинает работать метод противоположности. Возникает оппозиция, отсылающая к бинарному способу мышления. Женщина-номада обретает мужские характеристики. «Они населяют мужской мир как затянувшаяся болезненная форма самоотчуждения и потому способны, взрываясь, чинить вокруг себя насилие»¹¹⁰. Субъект исчезает, превращаясь в индивида, а номадический дискурс трансформируется в политический дискурс, в котором

¹⁰⁹ Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 145

¹¹⁰ Там же

номада становится политической сущностью. Она определяет свою позицию в категориях политики и предъявляет себя в границах нормативных или, как следствие, а-нормативных дискурсов.

Феминистский номадический субъект артикулирует вопросы идентичности - половой, гендерной, социальной, расовой, классовой и т.п. Он поднимает проблемы знания и эпистемологической легитимации. Трудность заключается в том, чтобы оставаться в границах желаемого производства, или в состоянии потенции, не «застывая» в нормативных стандартах. Необходима постоянная рефлексия, производящая различие между бессознательными желаниями и сознательным социальным выбором. Номада «существует» только в движении, она никогда не ограничивается фиксированной идентичностью. Она создает множество различных социальных идентичностей, позволяющих действовать в сообществе. Нон-плейс, о котором заявляет постструктурализм, является утопией. Без-местность изначально пуста, она не имеет смысла, как и субъект, размещенный вне – местности. Он пуст, он нулевой, он не способен продуцировать смыслы. Субъект обязательно должен находиться на границе субъект-объектного тождества, пропуская через себя бесконечное множество смыслов, тем самым принимая различные типы и уровни идентичностей.

Номадизм предъявляет себя через множество трансгрессивных связей. Подвижность обладает качеством ретроспективности. Репрезентация идентичностей – способность возвращения и выхода на новый качественный уровень мышления. Субъект – номада это всегда субъект, желающий пересекать чужие территории и границы. Номада как символична, так и телесна. Это множественная сущность, производящая в пространствах пределов, новую современную субъективность. Новая субъективность требует иного понимания таких категорий как пространство, время, место, идентичность. Все эти категории связаны друг с другом посредством «между». «Между» - это место промежутка, занимаемое и означенное желанием, обладающим силой и действием. Желание включается в экономию промежутка. Промежуток всегда

предполагает остаток. Остаток постоянно раздвигает пространство, выходя за пределы промежутка, и создает новые возможности определения следующих пространств.

«Между» всегда на пределе границ. Границы промежутка всегда находятся в состоянии вечного движения, тем самым приближая или отдаляя линии взаимодействия между субъектами и объектами. Грамматическую функцию промежутка выполняет предлог «к»: «любовь к себе», «любовь к Другому». «К всегда в некоторой мере двуголосно. Переходно и рефлексивно. Дважды переходно. Достаточно двойко и едино»¹¹¹. «К» указывает на направленность желания от одного субъекта к Другому. «К» в качестве промежутка выполняет функцию различения между полами. Если этот промежуток исчезнет, возникнет бинарность, порождающая властный дискурс с последующим доминированием одного из полов. Пол в данном случае становится эссенциалистской категорией, вписанной в нозологическое поле социальных дискурсов, а категория «между» трансформируется во внешнее трансцендентное начало. Если место «между» исчезнет, исчезнет сама суть взаимодействия полов и возможность перехода в другие пространства-измерения и в «длящееся» грамматическое время.

Функцию промежутка выполняет соблазн. Как отмечает С. Ушакин, соблазн нацелен на то, чтобы вызвать «ответ, от-зв, иными словами, - отклонение («на время») от уже сложившейся траектории»¹¹². Соблазн является способом сохранения открытости желающего производства. Он структурирует место отсутствия желаемого, тем самым вновь продуцируя желание. Соблазн становится тождественным желанию желать. Однако желание необходимо пытается проговорить себя на языке социальности, тем самым включаясь и вписываясь в символические знаковые системы. Необходимость вписать желание в существующие конституированные системы обозначающих снимает

¹¹¹Иригарей Л. Этика полового различия. М., «Художественный журнал», 2004. С. 57

¹¹² Ушакин С. А. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007. С. 11

различение между институциональным желанием, поддающимся выражению, и собственным желанием, продуцирующим идентичность. Повторение «готового» желания неминуемо сводится к желанию Другого, чей язык заимствуется для выражения собственного желания. Отсюда возникает идея принципиальной невозможности иметь собственное желание, поэтому оно становится «блуждающим» (Ж. Лакан)

Желание, неспособное выразить себя с помощью нормативного «общепринятого» языка, является желанием женщины и всегда желанием *queer*-субъективности. Женское становится тем «промежутком», тем «местом», тем «между», которое способно продуцировать и удерживать желание. Поэтому женское без-молвствует. Если женщина начинает говорить, то она говорит на принципиально Другом, женском языке, отличном от языка социальных систем. Поэтому она всегда вопрошает, а не отвечает, тем самым продуцируя системные и структурообразующие понятия. Л. Иригарей, анализируя язык душевнобольных, отметила, что мужской язык завязан на нем самом, он не обращен к Другому. Речь Другого отсутствует, для нее нет места. Другой исключен из коммуникации, и в роли говорящего, и в роли слушающего. Мужская речь тождественна дискурсу третьего трансцендентного лица. Процесс его говорения превращается в тавтологический круг. Речь женщины – это вопрошающая речь, предполагающая наличие Другого. Ее речь – предискурсивна. «Они стоят на пороге высказывания, занятые почти бессмысленным говорением: они шушукаются и болтают, смеются и вскрикивают... Хранительницы фонетики языка, звуков? То ли шумят, то ли поют»¹¹³. Женская речь – это голос, расстраивающий порядок мужского дискурса. Если предположить, что речь обусловлена полом, то теряется власть трансцендентного и власть дискурса, «тотема и табу мира мужчины»¹¹⁴.

Традиционно структура социальной реальности такова, что в ней заданы все языковые возможности. Язык универсален и не предполагает половых

¹¹³Иригарей Л. Этика полового различия. М., «Художественный журнал», 2004. С. 120

¹¹⁴ Там же, с. 101

различий, в нем отсутствует «открытое будущее»¹¹⁵. Как отмечают представители символической антропологии, поведение индивида или группы определяется символическими средствами. Социальные институты воспроизводят интерпретационные практики, позволяющие сохранить свои доминирующие нормативные позиции. Индивидуальная идентичность носит сущностный характер, отражающий символическую грамотность индивида. Однако при какой угодно универсальности речи индивидов разделяет их собственный мир, мир каждого. Женская коммуникация может являться местом-промежутком безобъектной коммуникации. Женщина, вынашивающая плоть Другого и соприкасающаяся с ней, находится в молчании. «Оно преисполнено неким нечего сказать, которое отнюдь не ничто, а чистосердечный дар «уже» и «еще-не»¹¹⁶. Речь сублимируется в плоть. Половое различие никогда не исполняется до конца в языке. Остаток всегда проявляется через тело и чувство тела Другого.

Номадическое мышление позволяет женщине создать себе «периферию, окрестность, мир, дом», создать себе «животную территорию»¹¹⁷ и, как следствие, сформировать свой этический порядок через собственный язык, язык женского субъекта. Наличие собственного языка указывает на инаковость по отношению к Другому. Половое различие необходимо для производства субъекта в поле пола, иначе желающий субъект превращает свое желание в потребность, которая возвращается в своем исполнении обратно к субъекту через потребляемый объект, или к Другому одинаковому в качестве трансцендентного. Круг замыкается, производство желания и субъективности останавливается.

Женское «место» предполагает Другого (ребенка, или мужчину, проникающего в матку), то есть «женское» принадлежит и не принадлежит женщине одновременно. Она есть место и одновременно она без-местна.

¹¹⁵ Иригарей Л. Этика полового различия. М., «Художественный журнал», 2004. С. 152

¹¹⁶ Там же, с. 177

¹¹⁷ Там же, с. 96 - 97

Женское стремится к удвоению самого себя. Она может выступать как место места через ребенка. Для того, чтобы организовать это место, она должна иметь собственную «оболочку», «кожу», то есть она есть «гнездо для нее самой»¹¹⁸. Женщина должна в-местить в себя Другого, чтобы определить свои собственные границы, благодаря которым происходит процесс различения идентичностей. Через желание собственного места посредством желания Другого любого пола женщина на-пол-няется и определяется как сущность.

Половое различие, необходимое для самоопределения идентичности, всегда требует наличия двух тел, или Двоих. С одной стороны, каждый из них является пределом определения Другого, с другой стороны, каждый из Двоих, являясь причиной Другого, оказывается в состоянии открытого пустого места, требующего дальнейшего движения. Этот процесс бесконечен, существование каждого продуцирует построение сущности. Субъект, по отношению к Другому, также является Другим, но если бы они были различны полностью, они бы не смогли взаимодействовать. В этом случае их опять же объединяет наличие «места», «промежутка», («слизистого» в половом акте), с которым они связаны непосредственно. Например, роль такого места, как отмечает Л. Иригарей, выполняет «материнско-женское, усвоенное еще до всякого восприятия различия»¹¹⁹.

В традиционной системе фаллоцентризма женское было лишено своего места и своего пространства. Оно подчинялось логике существования мужского субъекта. Женское являлось причиной и способом определения мужской субъективности, однако оно всегда оставалось исключенным из поля действия институциональных структур. Традиционный способ производства субъективности поддерживал инфраструктуру социального устройства, где женщина занимала «частное», «внутреннее», «скрытое», «закрытое» пространство миноритизированных дискурсов. Универсальный всеобщий

¹¹⁸ Иригарей Л. Этика полового различия. М., «Художественный журнал», 2004. С. 38

¹¹⁹ Там же, с. 90

субъект, априори тождественный мужскому, стирает какие-либо различия между субъектами в целом. Индивид становится обезличенным. Социальная реальность предъясняется как объективная модель, функционирующая по законам доминирующих дискурсов. Законы социальной таксономии лишают индивида права на самоопределение. Посредством акта самоидентификации индивид входит в поле различия, в том числе сексуального. В связи с этим возникает культура, которая определяется как гомофобная.

Любое различие, «будучи принятое всерьез как чистое различие»¹²⁰, разрушает любую универсальность, обезличенность и нейтральность. Оставленность женского элиминировала смыслы мужского.

Итак, конституированная гетеросексуальность производила мужские – женские половые идентичности, институционально определенные и закрепленные в пространстве экономического производства. В ситуации возникновения ненормативной избыточной неосексуальности индивид теряет ощущение определенности собственной половой принадлежности в структурах социального. Поскольку сексуальная идентичность, являющаяся условием половой идентичности, определяется предпочитаемым объектом сексуального желания, постольку субъект этого желания оказывается в непрерывном потоке собственного самоопределения через представляемое множество сексуальных объектов. Он попадает в ситуацию половой неопределенности. Определяясь через сексуальную идентичность Другого, индивид, утрачивая аскриптивную трансцендентную половую идентичность, находится в бесконечном выборе и определении собственной сексуальной идентичности.

Не-различимость сексуальных идентичностей в границах нормативного социального нуждается в собственном определении через свои поляризованные состояния а-нормативности. Множественная сексуальная дискурсивность в коммуникативном пространстве, порождая не-различимость половых идентичностей, исключает индивида из поля социальной нормативности и

¹²⁰ Кософски С. «Эпистемология чулана». М.: Идея – Пресс, 2002. С. 31

«выбрасывает» его за пределы конституированного социального. Институализация а-нормативности является условием возникновения половой определенности. Табуированная а-нормативная сексуальность становится дискурсивной и предъясняется как qweer-идентичность. Индивид необходимо предъясняет свою половую и сексуальную идентичность как возможность различности с Другим в поле коммуникации. В целях успешного взаимодействия половая идентичность характеризуется перформативностью.

В дискурсе фаллоцентризма конституированным являлся мужской субъект, женщина как объект, лишенная субъективности, оставалась за рамками социальной дискурсивности. В условиях размытой половой идентичности она принимает на себя qweer-идентичность и определяет дискурсивно свое «новое» место-положение за границами нормативного мужского социального. Более не задаваясь мужской субъективностью, женская субъективность определяется через саму себя. Поскольку ее место характеризуется без-местностью за пределами конституированных социальных дискурсов, постольку ее субъективность оказывается «нулевой», неза-полненной. Женский субъект трансформируется в номадический, кочевой субъект, лишенный собственной определенной идентичности.

Мужское желание нуждается в объекте своего удовлетворения. Женский объект, как объект мужского желания, исчерпывается своей объектностью и создает не-хватку женского как условия продолжения мужского желания. Оставленность женского элиминирует смыслы мужского. Мужской субъект рефлексировывает в ситуации не-хватки, что оборачивается женской субъективностью, обнуляя мужскую «субъективность». Отсутствие желаемого порождает отсутствие желающего, тем самым производя желание, как условие возникновения субъективности. Номадический субъект задается как желающий субъект.

Нормативная половая идентичность, объективированная и интегрированная в системы социального производства, всегда задается из точки

трансцендентности, регулирующей и контролирующей процессы экономического производства. Гетеросексуальность, обращенная к биологическому полу в поле социального, нормирует и ограничивает сексуальное желание, присваивая ему статус легитимированного желания. Гетеросексуальность снимает различность сексуальных желаний, тем самым производя половую не-различимость. Номадический субъект определяет собственную половую идентичность через процесс коммуникации с Другим, объектом своего избыточного не-нормативного желания. В точке коннекции порождается требование взаимоопределения идентичностей, то есть он определяет самого себя через актуализацию собственного желания. В момент предъявления сексуального желания задается различность половых идентичностей. Множественность объектов желания расщепляет определенную гетеросексуальную идентичность, продуцируя новую фрагментарную субъективность.

Акты коммуникации в формах коммуникативного обмена повторяются бесконечно, тем самым возвращая индивида в границы субъективации. Коммуникация может состояться только при наличии двух коммуникантов, связанных «между» собой. Они необходимо оказываются на границе субъект-объектного тождества, порождающего смыслы существования субъекта. «Между» становится условием движения субъектов-номад. Грамматическую функцию этого движения выполняет предлог «к», указывая на направленность движения. Промежуток, граница задает различность между идентичностями и производит субъекта коммуникации. Женское в-мещает в себя Другого и оборачивается Другим, Иным, производя себя Другую. Оно всегда вне-себя, возвращающееся к себе через желание Другого. Женское становится причиной субъективации Другого, тем самым сохраняя собственную субъективность.

Итак, индивид идентифицируется в структурах «тела социальности», как «место»-положения репродуктивного производства, и в структурах «тела сексуальности», как «место»-положения избыточного наслаждения, не

детерминированного нормативным сексом. Поскольку «тело социальности» не совпадает с «телом сексуальности» в точке предъявления избыточности наслаждения, постольку индивид оказывается в пространстве неопределенности, заданным «между» трансцендированным социальным и индивидуальным сексуальным.

Идентификация индивида происходит двумя способами: в структурах избыточности и в структурах не-хватки. Экзистенциальное стремление к целостности как к идеальному реальному ограничивается трансцендентным нормативным началом, всегда не-достижимым в реальности. Объективация разрыва конституируется идеальным не-достижимым объектом, который не столько устраняет, сколько производит децентрированность бытия. «Целостность» бытия структурируется воспроизводством желания, направленным на не-достижимый объект желания, который никогда не совпадает с определенным объектом в реальности. Поскольку определенный объект желания конечен, постольку наслаждение объектом ограничено. Недостижимость объекта в реальном, бесконечное желание, которое не может реализоваться в определенном объекте реальности, порождают гиперреальность наслаждения, циркулирующего в симулятивном пространстве избыточной сексуальности. Поскольку половая идентичность маркируется определенным объектом желания, постольку возникающая не-различенность желания к не-достижимому объекту, стирает разницу между объектом и субъектом наслаждения, снимая половую определенность.

Не-идентифицируемая сексуальная избыточность провоцирует возникновение множественного желания в неопределенности сексуальных предпочтений. Традиционная гетеросексуальная идентификация размывается и требует до-определения. Принцип идентификации через различие дополняется принципом определения через тоже самое. Происходит проблематизация гомосексуальности. Гомосексуальность необходимо нуждается в определении, категоризации и включении в дискурсивное поле социального. Определение

гомосексуального в качестве а-нормативного происходит на границе взаимоопределения а-нормативного гомосексуального и нормативного гетеросексуального, то есть гетеросексуальное определяется через гомосексуальное желание, что противоречит нормативности социального. Пространство дискурсивного запрета гомосексуальности к ее предъявлению и озвучиванию существует в конструкции «гомосексуального чулана» как пространства не-знания и не-ведения. Концепт гомосексуальности провоцирует концептуализацию гетеросексуальности. Переопределяется традиционная бинарность гетеросексуального дискурса, заново ставится под вопрос доминирование мужского в структуре оппозиции.

Мужское желание предъявляется как дискурсивное гетеросексуальное обязательство, которое обеспечивается легитимированным фаллократическим дискурсом. В нормативном дискурсе предъявляется только мужское желание, и только один его объект – женский. Женское, предельно объективируется в структуре мужского желания и отбрасывается через границу определения мужского как «не-женского». Утрачивается возможность конституировать мужское.

С одной стороны, мужское конституирует гетеросексуальное основание, с другой стороны, оно определяется негативно через отрицание женского, возвращая и обращая на себя гомосексуальное желание. В мужском проблематизируется и дискредитируется манифестируемая гетеросексуальная идентичность. Женское продуцируется как единственный способ «нормативного» конституирования мужского.

Женское отвергается как объект мужского желания. Оно обращается на себя, продуцируя субъективность в структурах саморефлексии, где ресоциализируется и переопределяется половая идентичность. Женщина как субъект вступает в субъект-субъектные отношения в пространстве интимной коммуникации. Она, соблазняя, «возвращает» мужчине его взгляд, проявляя мужскую субъективность. Он и она оказываются рефлексивными

субъектами, обретают субъективность в структурах бытия
идентифицированного пола.

Заключение

В первичной биологической или хромосомной дифференциации пола, как базовой бинарности, конституируется пра-структурность социальной реальности. Пол, маркированный натуралистическими эссенциалистскими дискурсами, задается в структурах социального производства «пола как секса». Секс объективируется в поле социальных дискурсов в границах репродуктивного производства и легитимируется в институте брака. Сексуальность, сопровождающая репродуктивность секса, всегда превышает необходимую производственную потребность. Она избыточна, а-нормативна. Структурирование социальной субъективности происходит через отношение избыточной сексуальности к нормативной, где возникают легитимированные дискурсы секса и табуированные дискурсы девиантных перверсивных форм.

Если нормативная сексуальность вписывается в дискурсивные структуры экономического производства, то а-нормативная сексуальность, находящаяся за ее пределами, устанавливается в структурах автономной дискурсивности. Дискурс секса, заданный в структурах экономического принципа репродуктивного производства, отделяется от дискурса сексуальности, бесконечно циркулирующего в структурах избыточного потребления. Наслаждение как прибавочный продукт избыточной сексуальности, предъявляется на пределе социального потребления как пустой знак собственной избыточности, объективируясь в порнографическом дискурсе.

Самоочевидная идентификация пола как секса нарушается принципом избыточной сексуальности. Нормативная социальная идентичность переопределяется по отношению к а-нормативной идентичности. На пределе легитимированной сексуальности предъявляется неопределенность неразличенной половой идентичности. В границах социальной патологии как пространства неопределенной а-нормативности конституируется пролиферирующая идентичность не-структурированной сексуальности.

Поскольку секс не совпадает с сексуальностью, постольку происходит

разделение не только секса и сексуальности, но и отделение пола от секса. Секс, как необходимая репродуктивная деятельность, объективируется в технологизированном клоническом производстве. Полная технология репродукции исключает секс. Он становится избыточным в структурах репродуктивного производства и приводится к «нулю», обесмысливается. Это значит, что нормативная сексуальность, заданная в границах секса оказывается а-нормативной и больше не может определяться через границу нормы, утрачивая какую бы то ни было определенность. В клоническом производстве исчерпываются смыслы натуралистического принципа половой различности. Клон оказывается тиражированным пустым знаком субъективности объективированной генетической модели.

В знаково-семиотической реальности элиминируется возможность сексуальной и половой идентификации, а телесность, как основание сексуальной идентичности, трансформируется в виртуальный объект. Виртуальные знаково-символические сущности обладают «нулевой идентичностью», лишенной половой и социальной определенности. В киберпространстве виртуализированной субъективности сексуальность исполняется, а желание исчерпывается, то есть объективируется в конструированном виртуальном объекте. Система потребления на пределе сексуальности исчерпывается виртуальным объектом желания. В исполненной сексуальности виртуального тела пол становится «нулевым», пустым знаком субъективности.

Исключение биологического дискурса из пространства идентификации переводит структуры пола в пространство социальной дискурсивности. Он идентифицируется как «социальный пол» или гендер. Однако при условии объективации социальной реальности основные ее структуры определяются на основании неявного тождества социального и экономического производства. Гендер, как способ структурирования, становится базовой категорией социального. Его отличие от природного пола состоит в том, что в нем

предполагается возможность изменения прикрепленной «естественной» идентичности.

Природное тело индивида, лишенное анатомического содержания, трансформируется в тело социальное, которое становится унифицированной производственной единицей. Индивид как «пустое» тело, лишенное идентичности, маркируется тем социальным содержанием, которое пропускается сквозь него. Категория пола переводится в категорию социальной роли и закрепляется в производственной дифференциации «мужских» и «женских» ролей. В репрезентации гендерных ролей нерелексивно подтверждается аскриптивная половая идентичность, закрепленная в гендерных стереотипах.

Идентичность задается в структуре гендерных дисплеев, унифицирующих индивида до о-без-личной единицы производства социального. Индивид объективируется в гендеризированном социальном пространстве, где его идентичность «овнешняется», определяясь «место»-положением. Переход из одной точки социального пространства в другую приводит к смене идентичности социального пола. В каждой точке социального пространства социальный пол определяется, но бесконечно трансформируется и переопределяется в изменении социальных ролей, смене «место»-положения, утрачивая определенность. Унифицированная «нулевая» идентичность предъявляется в стереотипизированных дискурсах метросексуальности и унисекса, существующих в гендеризированном пространстве.

Идентичность социального пола конструируется в поле социальной дискурсивности, где индивид регистрируется как знак дискурса. Смешанность гендерных ролей привела к «социальному гермафродитизму», то есть к нивелированию половых различий в языковых структурах. Поскольку на символическом уровне гендерных стереотипов воспроизводятся языковые клише, постольку унифицированная половая идентичность конституируется в структурах среднего грамматического рода множественного числа,

игнорирующего «естественные» половые различия. Смысл пола как гендера в языке социального приводится к пределу. Возникает «коммуникативное замешательство» или гендерная дисфория, связанная с потерей половой идентичности индивидов.

Социолект, как гендерлект, унифицируется в андроцентрических структурах, нивелируя женскую идентичность в языке социального. Отсутствие женской дискурсивности оказывается структурирующей лакуной в поле дискурсивной унификации. Самопредъявление женской субъективности в структурах женского дискурса задает пределы мужского гендерлекта как универсального способа представления бес-полых индивидов. Тотальная неразличенность мужской субъективности структурируется не-хваткой смыслов женского. Саморефлексия гендерлекта как мужской субъективности актуализируется в структурах женской субъективности. Социальная субъективность, предъявленная в социолекте, трансформируется из структуры экономической фаллократической дискурсивности в структуры женской коммуникативности. В точке самоопределения социальной субъективности в структурах социолекта индивид предъявляется в мужской идентичности в объективирующем дискурсе гендерлекта и самоидентифицируется как женский социальный субъект в саморефлексирующем дискурсе коммуникации.

Идентификация индивида происходит двумя способами: в структурах избыточности и в структурах не-хватки. Экзистенциальное стремление к целостности как к идеальному реальному ограничивается трансцендентным нормативным началом, всегда не-достижимым в реальности. Объективация разрыва конституируется идеальным не-достижимым объектом, который не столько устраняет, сколько производит децентрированность бытия. «Целостность» бытия структурируется воспроизводством желания, направленным на не-достижимый объект желания, который никогда не совпадает с определенным объектом в реальности. Поскольку определенный объект желания конечен, постольку наслаждение объектом ограничено. Не-

достижимость объекта в реальном, бесконечное желание, которое не может реализоваться в определенном объекте реальности, порождают гиперреальность наслаждения, циркулирующего в симулятивном пространстве избыточной сексуальности. Половая идентичность маркируется определенным объектом желания. Возникающая не-различенность желания к не-достижимому объекту стирает разницу между объектом и субъектом наслаждения, снимая половую определенность.

Не-идентифицируемая сексуальная избыточность провоцирует возникновение множественного желания в неопределенности сексуальных предпочтений. Традиционная гетеросексуальная идентификация размывается и требует до-определения. Принцип идентификации через различие дополняется принципом определения через то же самое. Происходит проблематизация гомосексуальности. Гомосексуальность определяется и категоризируется, включается в дискурсивное поле социального. В определении гомосексуального на границе нормативного, ставится под вопрос очевидность гетеросексуального. Концепт гомосексуальности провоцирует концептуализацию гетеросексуальности. Переопределяется традиционная бинарность гетеросексуального дискурса, заново ставится под вопрос доминирование мужского в структуре оппозиции.

С одной стороны, через мужское конституируется гетеросексуальное основание, с другой стороны, мужское определяется негативно как не-женское, возвращаясь и обращаясь как гомосексуальное. Поскольку женское отвергается как объект мужского желания, постольку оно самообращается в структурах саморефлексирующей субъективности, где ресоциализируется и переопределяется половая идентичность. Женщина как субъект вступает в субъект-субъектные отношения в пространстве интимной коммуникации. Она, соблазняя, «возвращает» мужчине его взгляд, проявляя мужскую субъективность. Он и она оказываются рефлексивными субъектами, обретают субъективность в структурах бытия идентифицированного пола.

Поскольку возможность самоопределения социальной идентичности открывается только на границе взаимоопределения нормативности и перформативной qweer-идентичности, маркирующей множественное сексуальное желание, постольку индивид с «плавающей идентичностью» всегда оказывается в поле половой неопределенности за пределами конституированной социальной дискурсивности. Индивид, лишенный определенной социальной идентичности, становится номадическим субъектом. Самопредставляющаяся сексуальность в коммуникативном пространстве требует самоопределения в дискурсе номадического субъекта.

Номадический субъект определяется в пространстве коммуникации в структурах самообращающегося дискурса идентификации. Поле коммуникативности как пространство «между» конституируется в движении самоидентифицирующейся субъективности «к» самой себе в точке саморефлексирующего номадического субъекта. Самоопределение половой идентификации как социальной идентичности номадического субъекта задается как производство субъективности в структурах самоопределяющегося смысла поля социальной дискурсивности.

Список использованных источников литературы

1. Автономова Н. С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000. – 90 с.
2. Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1988. - 135 с.
3. Алексеев Н. А. Гей-браки: Семейный статус однополых пар в международном, национальном и местном праве. М. Издательство БЕК, 2002. – 416 с.
4. Батлер Д. Психика власти: теория субъекции. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. – 2002. – 168 с.
5. Батлер Д. От пародии к политике // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 164-173.
6. Батлер Д. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 235-257.
7. Батлер Д. Чисто культурное // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 289-305.
8. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь мир», 2004. - 188 с.
9. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: «Логос», 2002. – 390 с.
10. Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности. СПб: Институт социологии РАН, 1997. С. 14-19
11. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
12. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

- 13.Белкин А. И. Третий пол. Судьбы пасынков природы. М.: Олимп, 2000. – 432 с.
- 14.Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., Academia – Центр, МЕДИУМ,1995. (фрагмент). – 323 с.
- 15.Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Междунар. отношения, 1990. – 336 с.
- 16.Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм – Еврознак, 2007. – 320 с.
- 17.Богин И. Вечная женственность. СПб.: Алетейя, 2003. – 488 с.
- 18.Бовуар де С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб. Алетейя, 1997. – 832 с.
- 19.Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. - 96с.
- 20.Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. М., 1997. №9. С. 107 – 117.
- 21.Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб, 2000. - 83с.
- 22.Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2002. - 257с.
- 23.Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика политика (сборник статей) Альманах Российско-французского центра социологии и философии института социологии российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 193 – 226.
- 24.Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: 1995. – 174 с.
- 25.Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. - 389 с.
- 26.Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
- 27.Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион-Русская книга, 2003.- 190 с.
- 28.Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 136 - 163
- 29.Брайсон В. Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001. -304

- с.
- 30.Брандт Г.А. Философская антропология феминизма: природа женщины. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. - 204 с.
 - 31.Бушмакина О.Н. Философия постмодернизма. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. – 152с.
 - 32.Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления. Метафора постмодерна. Монография. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998. - 272с.
 - 33.Бушмакина О.Н. Табу: сопротивление и насилие // Идея ненасилия в XXI веке. Пермь, 2006.
 - 34.Введение в гендерные исследования. Ч.І: Учебное пособие/ Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001;СПб.: Алетейя, 2001. – 708 с.
 - 35.Введение в гендерные исследования. Ч. ІІ: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 991 с.
 - 36.Винер Н. Кибернетика и общество. / Под общей редакцией Э. Я. Кольмана / – М., Изд-во «ИностранЛит», 1958. - 435с.
 - 37.Виттиг М. Прямое мышление и другие эссе. М.: Идея-Пресс, 2002. – 108 с.
 - 38.Воронина О.А. Женщина в мужском обществе//Социологические исследования. 1982. № 2. С. 43-50.
 - 39.Гадамер Х.-Г. Герменевтическое первенство вопроса / Логика и риторика. Минск, 1995. С. 59 – 610.
 - 40.Гадамер Х.-Г. Деконструкция и герменевтика // Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова В.Б. СПб, 1999. С. 243 – 255.
 - 41.Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704с.
 - 42.Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация (Из немецко-французских дебатов с участием Ж. Деррида, Ф. Форгета, М. Франка, Х.-Г. Гадамер, Й. Грайша и Ф. Ларуэлля) // Герменевтика и деконструкция / Под ред Штегмайера В.,

- Франка Х., Маркова В.Б. СПб: «Наука», 1999. С. 202 – 242.
43. Гендер и язык/ Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
44. Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. – 191 с.
45. Гендерные исследования. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2002. № 7-8. – 402 с.
46. Гендерные истории Восточной Европы. Минск: ЕГУ, 2002. – 416 с.
47. Гендерные проблемы в общественных науках. Отв. ред. И. М. Семашко. М., 2001. – 264 с.
48. Геодакян В. А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение// Межд. Конф.: Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. Москва, 1–4 июня 1994, с. 8–17.
49. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 632 с.
50. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. Издательский дом «Питер», 2004. – 208 с.
51. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.
52. Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. <http://www.socioru/public/gilinskiy/Krim2doc>
53. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., Алетейя, 1996. – 192с.
54. Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. СПб, СПб. Филиал ИС РАН, 1994. – 43 с.
55. Голод С.И. семья и брак: историко-социологический анализ. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 271 с.
56. Гофман И/ Гендерный дисплей //Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 306-335

- 57.Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Москва. Издательство «Канон-пресс-Ц», 2000. -304с.
- 58.Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Москва: Издательство Институт экономики РАН, 2004. -752с.
- 59.Гофман И. Гендерный дисплей// Введение в гендерные исследования. Ч.П: Хрестоматия/Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 991с.
- 60.Гросс Э. Изменяя очертания тела// Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 599-625
- 61.Делёз Ж. Критика и клиника; Пер.с фр. СПб.: Machina, 2002. - 240с.
- 62.Делез Ж. Логика смысла. М.: Издательский центр «Академия», 1995. - 299с.
- 63.Делёз Ж. Ницше; Пер.с фр. СПб.: Аксиома, 2001. - 184с.
- 64.Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: «Петрополис», 1998. - 284с.
- 65.Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. Пер. с фр., М.: Издательство «Логос», 1997. - 264с.
- 66.Делёз Ж. Фуко. Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - 72с.
- 67.Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. - 260с.
- 68.Делез Ж., Гваттари Ф. Анти - Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
- 69.Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. - 512с.
- 70.Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., Канон, 1995. – 352 с.
- 71.Женщина и визуальные знаки. М.: Идея – Пресс, 2000. – 280 с.
- 72.Жеребкина И. Гендерные 90-ые, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.

73. Жеребкина И. Женское политическое бессознательное. СПб.: Алетейя, 2002. – 224 с.
74. Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 256 с.
75. Жеребкина И. Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России. СПб.: Алетейя, 2001. – 336 с.
76. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. Уч. пос. / Ирина Жеребкина. – СПб.: Алетейя, 2007. – 312 с.
77. Жеребкина И. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 49-79
78. Жижек С. 13 Опытов о Ленине. М., ООО «Издательство Ад Маргинем», 2003. – 253 с.
79. Жижек С. Возвышенный объект идеологии; Пер. с англ. М.: Художественный журнал, 1999. - 240с.
80. Жижек С. Глядя вкось. Введение в психоанализ Лакана через массовую культуру. 2000.
http://www.volunteering.org.ua/wordstown/Text/Zizek/zizek_2.htm
81. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. - 160с.
82. Жижек С. Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди // URL <http://www.lacan.com/nosex.htm>
83. Жижек С. Садист как объект// URL <http://www.lacan.com/htm>
84. Жижек С. Хрупкий абсолют, или почему стоит бороться за христианское наследие. М., «Художественный журнал», 2003. – 178 с.
85. Здравомыслова Е., Темкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и

- современность. 1999. № 6. С. 177-185.
86. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. 171-182.
87. Иригарей Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 127-135
88. Иригарей Л. Этика полового различия. М., «Художественный журнал», 2004. -182 с.
89. Искрин В. И. Диалектика полов. – СПб., 2001. – 207 с.
90. Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения. – М.: Артания, 1995. - 352 с.
91. Келли Г.Ф. Основы современной сексологии. СПб.: Питер, 2000. – 896 с.
92. Клещина И. Гендерная социализация: Учебное пособие. СПб.: РГПУ, 1998. – 90 с.
93. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
94. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык// Гендер и язык/ Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005.С. 33-234.
95. Кон И. С. Введение в сексологию. 2-е изд. М.: Медицина, 1989. – 332 с.
96. Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви. М.: Олимп, 1998. – 496 с.
97. Кон И. С. Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках. Отв. ред. И. М. Семашко. М., 2001. С. 9-38
98. Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире// Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 708 с.
99. Кон И.С. Мужское тело как эротический объект. О муже(Нственности).

- М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 43 – 78.
100. Кон И. С. Половые различия и дифференциация социальных ролей// Соотношение биологического и социального. М., 1975. С. 763 – 776.
101. Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., О. Г. И., 1997. – 464 с.
102. Кудрявцев И. А., Дозорцева Е. Г. Смысловая сфера улиц с особенностями психосексуальной ориентации// Психологический журнал, 1993, том 14, № 4. С. 107-117
103. Куприянова И. С. Гомосексуальная ориентация в структуре гендерной идентичности мужчины// Материалы конференции «Человек. Власть. Общество», Саратов, 2001. С. 41-48
104. Куприянова И. С., Романова Н. М. Исследования мужской гомосексуальности как системного качества личности// Системный подход в современной психологии. Под ред. Тугушева Р.Х.. Гарбера Е.И. Саратов: Научная книга, 2001. С. 83-84
105. Куприянова И. С. Насилие в отношении гомосексуальных женщин: повседневный опыт // Насилие и социальные изменения: Альманах. - Вып. IV. - М.: АННА, 2003. С. 63-71.
106. Куприянова И. С. Однополые семьи в современном обществе: проблемы нормализации // Проблема нормы и патологии: современные дискурсивные практики: Материалы Международной научно-практической конференции / Сарат. гос. мед. ун-т. - Саратов, 2002.
107. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. М.: «Русское феноменологическое общество», издательство «Логос», 1997. - 184с.
108. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа; Пер с фр. М.: Гнозис/Логос 1998. - 432с.
109. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа; Пер. с фр. М.: Гнозис/Логос 1999. - 520с.

110. Лакан Ж. Семинары Книга 5. Образования бессознательного; Пер. с фр. М.: Гнозис/Логос 2002. - 608 с.
111. Лакан Ж. Телевидение. М.: ИТДК «Гнозис», Издательство «Логос», 2000. - 160с.
112. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование.// Язык и интеллект. М., 1995.
113. Лакофф Р. Язык и место женщины // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 784 - 798
114. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Перевод с фр. Н. А. Шматко,. – М., Институт экспериментальной социологии; СПб., Алетейя, 1998. – 160 с.
115. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / Перевод с английского и послесловие Б. Г. Соколова. – СПб, Алетейя, 2001. – 160 с.
116. Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с.
117. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
118. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – 356с.
119. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. Вып. 1. – М., Прогресс, 1991. – С. 194-216.
120. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280с.
121. Малви Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 228.
122. Манхейм К. Структурный анализ эпистемологии М.:ИНИОН РАН, 1992. - 40с.
123. Маркова Л.А. Философия из хаоса. Ж.Делез и Ф. Гваттари о философии как творчестве концептов // Вопросы философии. 2002. №3. С. 147 – 159.

124. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ермак», 2003. – 213 с.
125. Менегетти А. Женщина третьего тысячелетия. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. – 256 с.
126. Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. – 496 с.
127. Мережковский Д.С. Смерть богов (Юлиан Отступник). М.: Панорама, 1991. – 272 с.
128. Мерзляков А. Топология социального субъекта (герменевтический аспект). Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ижевск, 2003. – 142с.
129. Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб.: Алетейя, 2001. -400 с.
130. «Мужское» в культурном контексте города. Материалы научной конференции (СПб, 22-24 апреля 2004 г.). – М. – СПб., 2004. – 56 с.
131. Мюллер У. Пол и организация: долгие дебаты и актуальные тенденции. Журнал социологии и социальной антропологии. Выпуск 2, том 2, 1999.
132. Ницше Ф. Воля к власти. М.: «REEL - book», 1994. - 280с.
133. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2002. - 1040с.
134. О муже(Нственности). М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 720 с.
135. Павлова О.Н. «Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности», М. 2001. <http://pavolga.narod.ru/identity.html>
136. Парамонов Б. Человек и его клон // Вещь. 2002. №11 (60). С. 60.
137. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проспект, 2000. - 880с.

138. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 462 – 477.
139. Парсонс т. Система современных обществ. М.: «Аспект Пресс», 1998. - 270с.
140. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 478 – 493.
141. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса.// Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999. С. 302 - 336.
142. Порошенко О.Ю., Харисова Т.А. Ускользящая женственность или Eat your make-up: критика радикального феминизма. Мужской электронный журнал. <http://globkazan.narod.ru/2004/a15.htm>
143. Пулькинен Т. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция/Под ред. Штегмайера В., СПб, 1999. С. 167-181.
144. Репина Т. А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии//Вопросы психологии, 1987, № 2. С. 158 – 165.
145. Рикёр П. Время и рассказ. Т.1. интрига и исторический рассказ. М., СПб.: Университетская книга, 2000. - 224с.
146. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМІ», Издательский центр Academia, 1995. - 160с.
147. Рикёр П. История и истина/ Пер. с фр.; - СПб. Алетейя, 2002. - 400с.
148. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит, ст. И. Вдовиной. — М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково

- поле», 2002. – 598 с.
149. Розанов В. В. Люди лунного света: метафизика христианства. М.: Дружба народов, 1990. – 304 с.
150. Романова Н.М., Куприянова И.С. Психологические особенности личности мужчин с нетипичной направленностью полового влечения// вопросы практической психологии. Выпуск 14. Саратов: Издательство Саратовского педагогического института, 2000. С. 205 - 210
151. Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 464-533.
152. Рябов М. Топология социального тела. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ижевск, 2004. – 140с.
153. Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 799-821.
154. Смелзер Н. Социология. М: Феникс, 1998.- 687 с.
155. Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. – 525 с.
156. Солонин Ю.Н. Женщина как научная проблема. Российские женщины и европейская культура: материалы 5 конференции, посвященной теории и истории женского движения/Сост. и отв. Ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 14-17
157. Сэдживик Ив К. Эпистемология чулана. – М.: Идея–Пресс, 2002. – 272 с.
158. Суковатая В. Квир-теория и литературные практики на Западе и в

- России // Девиантность в социальном, литературном и культурном контекстах: опыт мультидисциплинарного осмысления. Сборник научных статей, Минск: Юнипак, 2004, с. 154-175
159. Сулова О. Тело без тела// Ступени. Спб.: Алетейя, 2000. № 1. С. 236 – 241.
160. Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь: Женщины и мужчины в диалоге// Гендер и язык/ Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 235 - 510
161. Тартаковская И.Н. Гендерные аспекты стратегии безработных // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 73–82.
162. Темкина А. К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность //Мишель Фуко и Россия, М. 2000. С. 316 -349
163. Темкина А. Сценарии сексуальности и сексуальное удовольствие в автобиографиях современных российских женщин//Гендерные исследования, № 3 (2/1999): Харьковский центр гендерных исследований. С. 125-127
164. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. – 272 с.
165. Турыгина Н. На пути к «позитивной» женской субъективности: теоретические стратегии женских художественных практик. Журнал «Топос» № 1(6), 2002. Топография культуры.
166. Улыбина Е. Страх и смерть желания. М.: Модерн – А; СПб. Академия Исследований Культуры, 2003. – 320 с.
167. Ушакин С. А. Видимость мужественности. О муже(Нственности). М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 479 – 503.
168. Ушакин С. А. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007. – 320 с.
169. Ушакин С. А. Человек рода «он»: знаки отсутствия// О

- муже(Нственности). М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 7-40.
170. Уэст К., Зиммерман Д. Создание тендера // Гендерные тетради. Труды СПб филиала ИС РАН, 1997. С. 94-124.
171. Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. 253с.
172. Флекс Д. Конец невинности// Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 626 - 648
173. Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994. – 496 с.
174. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. - 380с.
175. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. - 448с.
176. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо–Логос. Вып.1. М.: «Прогресс», 1991. С. 284 – 311.
177. Фуко М. Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии 1993. №5. С.43 - 53.
178. Фуко М. История сексуальности III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. - 288с.
179. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Пер. с фр. М.: Праксис, 2002. 384с.
180. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. - 574с.
181. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. - 477с.
182. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. СПб.: Мифрил, 1994. С. 111-131.
183. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. - 308с.
184. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Изд-во «Прогресс», 1977. - 488с.

185. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: ООО АСТ: Ермак, 2004.- 474 с.
186. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 123 – 162.
187. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588 с.
188. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.
189. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. - 451с.
190. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. - 445с.
191. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. - 464с.
192. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Сборник / Под ред. А.Л. Доброхотова. М.: высшая школа, 1991. - 192с.
193. Хамитов Н. В. Философия и психология пола. Киев: Ника-Центр, 2001. – 224 с.
194. Хамитов Н. В. Философия человека: от метафизики к метаантропологии. Киев: Ника-Центр, 2002. – 334 с.
195. Хасин В. И., Тюменева Ю. А. Особенности присвоения социальных норм детьми разного пола // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 32-39.
196. Хорни К. Женская психология. Т. 1. СПб., Восточ.- Европ. Ин-т Психоанализа, 1993. - 222 с.
197. Шадрин А. Социально-философская дискурсивность в аспекте герменевтического анализа. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ижевск, 2004. – 136с.
198. Шеллинг Ф. В.Й. Введение к наброску системы натурфилософии, или О понятии умозрительной физики и о внутренней организации системы этой науки // Шеллинг Ф. В.Й. Сочинения. М.: Мысль, 1998. С.

235 – 294.

199. Шеллинг Ф.В.Й. О конструировании в философии // сочинения в 2т. Т.2. М.: Мысль, 1989. - 636с.
200. Шеллинг Ф. В.Й. Сочинения в 2-т. Т.1. М.: Мысль, 1987. - 637с.
201. Шеллинг Ф. В.Й. философия откровения. Т.1. СПб.: «Наука», 2000. - 699с.
202. Эвола Ю. Метафизика пола. М.: Беловодье, 1996. – 344 с.
203. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. - 331с.
204. Ярская – Смирнова Е. «Одежда для Адама и Евы»: очерки гендерных исследований. М.: ИНИОН РАН, 2001. – 254 с.
205. Ярская – Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 1997. - 272 с.
206. Butler, Judith P. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. New York: Routledge, 1999. – 221 p.
207. Butler, Judith P. Bodies that matter: on the discursive limits of “sex”. New York, 1993.- 288 p.